Bestseller
Лора Джо Роулэнд
Бестселлер
«Книга, которую ОБЯЗАН прочитать каждый любитель экзотического детектива!»

Лора Джо Роулэнд

Бундори

Серия «Сано Исиро», книга 2

OCR Денис
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123170
Лора Джо Роулэнд. Синдзю: АСТ, Ермак; Москва; 2003
ISBN 5-17-019129-4, 5-9577-0109-2
Оригинал: LauraRowland, “Shinju”
Перевод:
А. Шманевский

Аннотация

...Эдо. 1689 год. Город, который еще несколько веков не переименуют в Токио. Новая столица новой эпохи – самурайской эпохи Токугава...

Но именно в самурайской столице вступают в игру-схватку воины, почитающие кодекс бусидо, – маньяк-убийца, выставляющий напоказ «бундори» – отрубленные головы своих жертв, – и бывший «ерики» Сано Исиро, вызванный из почетной отставки самим сегуном.

Условия игры просты: проигравший – следователь пли убийца – обязан, согласно кодексу бусидо, сделать сеппуку...

Содержание

Пролог 5
Глава 1 9
Глава 2 18
Глава 3 22
Глава 4 29
Глава 5 35
Глава 6 41
Глава 7 44
Глава 8 49
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Лора Джо Роулэнд
Бундори

В память о моих дедушках и бабушках:
Дай Хун и Сюзанны Цзо, Гоу Син и Цюн Гэнли

Пролог

Эдо, эра Гэнроку, 2-й год, 3-й месяц
(Токио, апрель 1689 года)

Когда приблизился час свиньи, великий город Эдо покрылся плотным туманом, сделавшим неясным свет и нечетким звук. Мелкий весенний дождь шуршал по черепичным крышам торгового района Нихонбаси, обильно смачивая узкие улочки. Желтый свет лишь в нескольких местах призрачно мерцал за деревянными решетками и окнами, затянутыми бумагой. Дым от угля, сгоравшего в жаровнях, перемешивался с туманом, отчего воздух становился более густым. Хотя многочисленные ворота еще не закрылись, чтобы преградить путь из одной части города в другую, улицы были пустынны, словно полночь, до которой оставалось три часа, уже наступила.

Одинокий охотник появился из мрака дверного проема в глубине ряда прилавков, заслоненных от дождя раздвижными деревянными панелями. Влажный холод проникал между пластинами кольчуги, надетой под плащом. Влага скапливалась под широкополой шляпой и железной маской, скрывавшей лицо. В напряженном ожидании охотник начал дрожать. С каждым неглубоким вздохом он втягивал в себя запахи мокрой древесины и земли, а также запах рыбы, исходивший от реки Сумида. Держась в тени под навесами крыш, он двинулся боком, украдкой, до следующей двери. Остановился, стараясь уловить момент приближения добычи.

Тянулись минуты. Ночные звуки – голоса из ближайших домов, далекий стук копыт, скрип повозок, вывозивших на поля нечистоты, – стихали по мере того, как город Эдо готовился закрыть ворота и до рассвета превратиться в ловушку. Поеживаясь от нетерпения, охотник всматривался в глубину улицы. Пальцы ощупывали вырезанные в форме человеческих черепов плоские гарды[1] мечей. Появится враг сегодня или нет? Удастся ли выполнить задачу, которую охотник откладывал столько лет?

Туман позволял видеть не более чем на десять шагов во всех направлениях. Справа расплывалось желтое пятно от факела, освещавшего ворота в конце улицы. Казалось, кроме охотника, в ночи нет ничего и никого. Росло чувство разочарования. Жажда крови затапливала волнами горячей страсти. Пока он ждал, на густой пустоте тумана воображение рисовало образы, сначала неясные, затем более четкие. Если прищуриться, то можно перенестись в далекое прошлое, в эпоху, о которой он слышал так много, что знал ее не хуже нынешней. В эпоху славной непрерывной гражданской войны. В эпоху, когда город Эдо с миллионным населением был всего лишь деревней, когда первый сёгун, первый правитель из рода Токугава, Иэясу, только усмирял соперников, чтобы установить в стране мир.

В эпоху величайшего полководца на земле.

* * *

Крепость Киёсу, сто двадцать девять лет назад. Безжалостное солнце нещадно обжигает две тысячи самураев, укрывшихся за деревянным частоколом. Охотник, хоть и находится среди простых пеших воинов, чувствует тревогу, которая пронизывает ничтожно маленькое войско. Этот день может принести воинам победу и жизнь или же поражение и смерть.

---

[1] Гарда (фр. garde) – металлический щиток выпуклой формы на рукояти меча для зашиты руки. – Здесь и далее примеч. пер.

– Едет! – шепотом, перекатываясь от одного воина к другому, пролетает по рядам. Вместе с другими охотник встает на колени, руки раздвинуты, лоб касается земли. Не в силах подавить искушение, он бросает быстрый взгляд на господина, проезжающего мимо, наводящего страх и внушающего любовь.

Ода Нобунага, правитель провинции Овари, претендующий на то, чтобы управлять всей страной, великолепен в кольчуге из сотен металлических и кожаных пластин, соединенных голубым шелковым шнурком и покрытых блестящим разноцветным лаком. Черный железный шлем увенчан парой витых рогов. Ода сидит на прекрасном черном коне. С мрачным видом повелитель спешивается и сопровождаемый тремя генералами удаляется в побеленное деревянное здание форта.

По рядам пробегает шепот:

– Маруне пала!

Вместе со всеми охотник замирает в ужасе, затаивает дыхание. После захвата пограничной крепости Маруне больше ничто не разделяет войско Оды и двадцатипятитысячную армию правителя Имагавы. Теперь охотник и его товарищи обречены. Но страх за Оду у охотника сильнее страха за себя самого.

* * *

Звук шагов вернул его к действительности. Он взглянул на улицу. Слева от него шаркающей походкой из тумана вышел старый самурай, опоясанный традиционными мечами – длинным и коротким.

Охотник сжал пальцами рукоять собственного длинного меча и словно охмелел от возбуждения. Весь дрожа, он ждал, когда человек подойдет поближе. Он сконцентрировал внимание на предстоящей схватке. Но мысли внезапно перескочили в прошлое, в утро много лет назад.

* * *

Ворота крепости открываются и пропускают двух тяжело дышащих разведчиков.

– Армия Имагавы стоит в теснине за деревней Окехазама! – кричат они, спеша оповестить правителя Оду.

Не успев оценить важность сообщения, охотник с товарищами выходит из крепости. Две тысячи пеших и конных воинов. Это так мало по сравнению с теми, кто поджидает их. Впереди знаменосцы, стрелки и лучники, за ними мечники и копейщики, замыкают колонну господин Ода и генералы. Они изнемогают от жары, сжигающей холмы и рисовые поля.

В полдень они останавливаются за холмом вблизи теснины и ждут команды. Из теснины до охотника доносятся голоса, прерываемые пьяным смехом и песней. Вражеская армия празднует недавнюю победу. Он слушает и ждет. На склоне холма воцаряется напряженная тишина, она заставляет его замереть, он боится глубоко вздохнуть.

Внезапно с запада наплывает масса темных штормовых облаков и закрывает солнце. Небо перерезывает молния, удар грома встряхивает землю, словно большой боевой барабан. Первые капли дождя падают на землю. Восприняв это как знамение, правитель Ода поднимает и опускает большой золотой веер, решительно рассекая воздух. Труба, сделанная из раковины, с ревом подает сигнал: «В атаку!»

Они моментально бросаются к теснине. Струи дождя хлещут по охотнику, пока он бежит, преодолевая встречные порывы ветра. Первая шеренга воинов скрывается в каменном мешке. Охотник слышит ружейные выстрелы и испуганные крики солдат Имагавы. Чувствуя, как бешено колотится сердце, он скатывается вниз по склону прямо в бушующий хаос.

Ливень заставляет солдат Имагавы искать укрытие под деревьями. Они лихорадочно пытаются перезарядить отсыревшие аркебузы, ищут луки, копья и мечи, упавшие на землю в грязь. Но слишком поздно. Войско Оды обрушивается на них. Звон скрещиваемых клинков перекатывается эхом по теснине. Ружья гремя извергают клубы черного дыма. Предсмертные вопли перемешиваются с кровожадными криками. Металлический запах крови заглушает обычные для лета запахи пота и дождя. В гущу битвы врезается правитель Ода. С высоко поднятым мечом он направляется прямо к правителю Имагаве, который стоит одинокий, беззащитный. Умелый удар меча, победный клич, и Имагава падает замертво.

Обезумев от усердия и восхищения, охотник вонзает меч в землю:

– Правитель Ода, я отдаю вам свою жизнь!

* * *

Старый самурай почти подошел к двери. Охотник слышан его хриплое дыхание, сжимая меч, обнаженный для той, в далеком прошлом, схватки. Жестокий жар полыхал у него в груди, когда он выскользнул из тени, чтобы преградить дорогу своей жертве. Старик издал возглас удивления и встал как вкопанный, воздев руку то ли в приветствии, то ли в мольбе о пощаде.

Охотник двумя руками поднял меч и опустил наискось быстрым округлым движением. Лезвие легко прошло через шею старика. Чисто срубленная голова стукнулась о землю, откатилась на несколько шагов от туловища и замерла лицом вверх. Туловище пошатнулось и рухнуло. Сильная струя крови, черная в призрачном свете, ударила из шеи.

Переполненный сладким огнем победы, охотник окинул взглядом изуродованный труп. Он увидел поверженные тела врагов в далекой теснине. Ему очень хотелось стоять там, перебирая в уме краткие эпизоды сражения у Окехазамы.

Однако он должен помнить, где и в каком времени находится. Опасно задерживаться на месте убийства. Ему предстоит еще многое сделать до того, как ворота будут закрыты. Опустив меч в ножны, он спрятал отрубленную голову под плащом и заспешил прочь по окутанным туманом улицам.

* * *

Войско, возбужденное одержанной победой, толпой валит назад, в крепость Киёсу. За палисадом раздаются радостные крики и смех. На смену утреннему отчаянию пришло ликование. Сражение у Окехазамы закончилось быстро. Ода – победитель. Правитель Имагава мертв, солдаты, уцелевшие после резни в теснине, в панике бежали. Провинции Микава, Тотоми и Суруга теперь принадлежат Оде, и путь на Киото, столицу, открыт. Празднование будет продолжаться всю ночь, шумное веселье с потоками вина и песен. Но сначала пройдет торжественная церемония, которая должным образом увенчает блестящую победу правителя Оды.

* * *

В тесной каморке, освещенной тусклой масляной лампой, охотник на коленях аккуратно обмыл кровавую добычу в кадушке с водой и вытер чистой тканью. Рядом лежала квадратная доска с острым железным штырем посередине. Охотник с хриплым выдохом водрузил голову на хитроумное приспособление. Острие прошило мозг, и шея уперлась в доску. Охотник тщательно гребешком расчесал тонкие седые волосы и заплел их в косичку вместе

с обрывком белой тесьмы. Немного подрумянил бледные морщинистые щеки, придав лицу живой вид, и протер выбритое темя. Повернул пальцами глазные яблоки так, чтобы взгляд, как ; полагается, был опущен долу. Зажег ароматную палочку и несколько раз обвел вокруг головы, пропитывая приятным запахом. Наконец, добавил самую важную деталь: прикрепил бирку из белой бумаги, испещренную черными иероглифами, которые объясняли причину содеянного им. Затем поднялся с колеи, взглянул на голову и преисполнился гордости.

Его бундори. Его боевой трофей.

Вечерний бриз, огибая красный шар заходящего солнца, развевает знамена на крепостном валу Киёсу. Грохочут боевые барабаны, голоса певцов поднимаются к небесам. Неровный свет факелов освещает двор, где в полном боевом облачении на табурете восседает правитель Ода Нобунага, справа и слева от него располагаются генералы. Перед ним на коленях рядами стоят солдаты. Правитель Ода величественным кивком приказывает начать церемонию.

Из форта показывается процессия самураев. Каждый несет в поднятых руках отрубленную голову врага. Самураи укладывают головы у ног правителя, кланяются и уходят за новыми трофеями. Охотник в процессии четвертый. Его душа взлетает к небесам вместе с пением хора и ударами барабанов. Он едва сдерживает ликование. Сегодня он прославился в битве, лично убив сорок человек. Его награда – почетное место среди самураев и признательность правителя и прочих знатных людей.

«Это только начало», – лихорадочно думает охотник. Он предугадывает будущее: вот он командир, вот генерал. А когда придет время, он с восторгом падет в сражении, принеся правителю последнюю дань – собственную жизнь.

Теперь его черед приблизиться к Оде. Расправив плечи и глядя прямо перед собой, он держит свой бундори на поднятых руках.

* * *

Туман сгустился, дождь не утихал. Согнувшись под тяжестью большой корзины за спиной, охотник торопливо шел по пустынным улицам к тому месту, которое выбрал для своего драгоценного трофея.

– Пора домой, – окликнул его ночной страж, когда он проскользнул в ворота. – Сейчас закроемся.

Охотник не обратил на предупреждение внимания. Нужно поместить бундори там, где все смогут увидеть его и восхититься им, узнать о великом деянии. Время стремительно убывало, с каждым моментом возрастал риск, что кто-нибудь остановит охотника. И все же охотник не чувствовал ни страха, ни беспокойства – им владело только стремление завершить начатое дело.

Он быстро вскарабкался по приставной лестнице на крышу магазина, оттуда перебрался на платформу высокой шаткой деревянной пожарной вышки. Туман покрывал город, раскинувшийся у него под ногами. Он открыл корзину и достал голову. Его воображение населяло ночь зыбкими тенями и наполняло влажную тишину звуками барабанов и пением. Он осторожно поставил голову на платформу и глубоко поклонился.

– Досточтимый правитель Ода, – прошептал он, и чуть ли не сладострастие захлестнуло его. – Примите, пожалуйста, мое первое подношение вам.

Затем он захлопнул корзину, забросил за плечи и спустился по лестнице на улицу. Высоко подняв голову, он отправился домой с таким чувством, будто уничтожил не одного человека, а целую армию. Всю дорогу он мечтал о грядущих победах.

Глава 1

В обширном глубоком пруду на площадке для занятий боевыми искусствами замка Сано Исиро яростно барахтался в воде, пытаясь удержаться на плаву. Два меча и полное боевое облачение – шерстяной кафтан с наплечниками, сделанными из кожи и металлических пластин, наручни, сплетенные из металлических колец, металлические поножи, шлем и маска – грозили утянуть его на дно. В левой руке он держал лук, в правой – стрелу. Его легкие разрывались от усилий удержать экипировку и голову над водой. Вокруг него бултыхались самураи, такие же, как он, слуги сёгуна Токугава Цунаёси, участвовавшие в утренних занятиях по отработке навыков, которые могли им понадобиться на случай, если когда-нибудь придется сражаться в реке, в озере или на море. На другом конце пруда шел учебный бой верхом на лошадях. Движения лошадей поднимали волны. Одна настигла Сано. Вода, мутная от взбаламученного ила и лошадиных испражнений, с бульканьем залилась в шлем и под маску. Сано задохнулся, фыркнул и едва успел глотнуть воздуха, как следующая волна накрыла его с головой.

– Эй, там! – крикнул с берега пруда сэнсэй. Длинная палка резко ударила по шлему Сано. – Выпрямись, ноги вниз. И не намочи стрелу! Стрела с мокрым оперением летит неточно!

Собравшись с силами, Сано храбро попытался выполнить приказ. Ноги ломило от непрерывных круговых движений, которые были необходимы для того, чтобы удерживать корпус в вертикальном положении. Левая рука, недавно раненная в бою на мечах, ныла, правая немела. Каждый вздох, дававшийся с трудом, казался последним. К тому же Сано мерз. Капризная весенняя погода не согревала по-зимнему холодную воду в пруду. Сколько еще продлится эта пытка? Чтобы отвлечься от физических страданий, Сано посмотрел на берег. На траве стояли соломенные мишени в виде человеческих фигур для стрельбы из лука. Справа от них зеленели сосны Фукиагэ, лесопарка, занимавшего западную часть замка и опоясывающего тренировочную площадку. Слева располагался ипподром, откуда доносились крики, смех и перестук копыт. Прямо, за мишенями, вздымалась каменная стена, за ней в великолепных покоях жили и работали сёгун, его семья и ближайшие соратники.

Сано сильнее забил ногами в надежде хоть чуть-чуть приподняться над уровнем воды. Сверкающее солнце превращало капли воды на ресницах в дрожащие алмазы. Сморгнув воду, он откинул голову назад и взглянул на главную башню замка: пять изящных уровней побеленных стен с многочисленными скатами, блестящими черепицей, коньками, парящими в голубом небе, Зримый символ совершенной и неколебимой военной мощи Токугава, замок наполнил Сано благоговейным трепетом. Прожив два месяца в замке, он все еще не мог поверить в то, что теперь это его дом. Еще меньше ему верилось в цепь фантастических событий, которые привели его сюда.

Сын ренина – самурая-одиночки – он сначала зарабатывал на жизнь в отцовской школе боевых искусств: учил читать и писать детей. Потом, как раз три месяца назад, он посредством семейных связей получил место ёрики, одного из пятидесяти старших полицейских чинов Эдо. Потеряв должность, испытав позор, бесчестье и физическую боль, он раскрыл запутанное убийство, спас жизнь сёгуну – и все закончилось тем, что он оказался сёсакан-сама Токугавы Цунаёси – благороднейшим исследователем событий, ситуаций и людей.

Назначение было немыслимой честью, но переезд в замок перевернул жизнь. Отрезанный от всех и всего, что прежде знал, Сано оказался среди незнакомых людей, опутанный новыми, сбивающими с толку правилами и ритуалами. Пруд для тренировок являлся не единственным местом, где ему приходилось барахтаться, удерживая голову над водой. Отец, здоровье которого оставляло желать лучшего в течение многих лет, умер через пятнадцать

дней после того, как Сано покинул родительский дом. С саднящей печалью Сано вспоминал последние минуты жизни отца.

Стоя на коленях перед постелью, он прижимал к груди иссохшую отцовскую руку. Борясь с горем, сжимавшим горло, он попытался выразить отцу любовь и почтение, но тот покачал головой:

– Сын мой... обещай. – Хриплый голос упал до шепота, и Сано ниже склонился над отцом, чтобы лучше его услышать. – Обещай мне, что... будешь хорошо служить своему господину. Будь истинным воплощением... бусидо... Бусидо – путь воина. Суровый кодекс долга, чести и послушания, который определяет поведение самурая во время войны и мира, который усваивается не раз и навсегда, а в течение жизни за счет преодоления бесчисленных и разнообразных препятствий.

– Да, отец, обещаю, – сказал Сано. Чего бы ни стоило, он приложит все силы, чтобы привести свой независимый, непокорный дух в соответствие с бусидо. Данное у смертного одра обещание было самой серьезной обязанностью, какую он когда-либо имел перед отцом. Оно должно быть исполнено. – Пожалуйста, теперь отдохните.

Опять покачав головой, отец продолжил:

– Цель самурая... в том, чтобы совершить поступок, который выразит его храбрость или преданность... – Он с трудом несколько раз вздохнул. – Который в равной степени поразит и друга и врага, заставит повелителя самурая пожалеть о его смерти и... – Приступ кашля заставил отца замолчать.

– И сохранит его имя в памяти потомков, – закончил Сано. Это был урок бусидо, один из тех, что отец давал ему в детстве, внушая философию, существующую уже более шести столетий. – Обещаю...

Сано крепче сжал руку отца, он словно старался удержать его на пороге жизни. Слезы застилали ему глаза. Он понимал: отца печалит то, что чудесный поступок, который он совершил во имя сёгуна, должен навсегда остаться тайной.

– Отец, обещаю, я сделаю все, чтобы наша фамилия заняла почетное место в истории, – сказал он.

Успокоенный, отец закрыл глаза.

Его смерть словно выбила почву из-под ног Сано, оборвала связь с предыдущими поколениями, высушила источник, питающий силу и отвагу, лишила компаса, указывающего путь вперед. Одинокий, неуверенный в себе, Сано очень хотел, чтобы отец оставался рядом с ним. И все же данные тогда обещания не казались ему опрометчивыми или невыполнимыми. В качестве сёсакана он сможет прославиться.

Теперь же, однако, Сано начал терять надежду выполнить обещания. Вот уже два месяца прошло с тех пор, как он переехал в замок, а Токугава Цунаёси совершенно не замечает его. Сано доводилось видеть нового господина лишь издали, во время официальных церемоний. Вместо того чтобы решать проблемы государственной важности, Сано служил в историческом архиве замка. Он использовал все свободное время и энергию на единственном доступном ему направлении бусидо – совершенствовании в боевых искусствах для подготовки к войне, которая, может, и не случится при его жизни. Похоже, ему суждено стать одним из бесчисленных государственных чиновников, выполняющих рутинную работу в обмен на щедрое содержание, – паразитом, жиреющим на богатстве Токугавы.

– Внимание! Целься! – Голос сэнсэя прервал размышления Сано.

Наконец-то упражнение близится к концу. Изнемогая, Сано развернулся так, чтобы оказаться на одной линии с соломенной мишенью. Его сердце протестующе бухало в груди. Облачение и оружие не уступали по весу Большому Будде из Камакуры. Болела каждая клеточка тела, от перенапряжения подкатывала тошнота. Сано поднял лук и заправил стрелу. Несмотря на отчаянные усилия, голова ушла под воду. Сано вскинул лук вслепую.

– Выстрел!

Сано пустил стрелу и поплыл к берегу. У него не осталось сил на то, чтобы посмотреть, куда он попал. Он даже не мог думать о том, как стать идеальным самураем и снискать неувядаемую славу для своей семьи. Все, чего он хотел, – это отдохнуть на сухой земле. Мокрый и дрожащий от холода, Сано выполз на берег. Он лежал неподвижно, закрыв глаза, и смутно ощущал присутствие людей: они отдыхали, разговаривали, снимали боевое облачение. Солнце пригревало. Он услышал звук приближающихся шагов. Кто-то остановился над ним, закрыв солнце. Сано откинул маску и поднял голову, ожидая увидеть слугу, который поможет снять экипировку.

Вместо слуги он увидел двух старших чиновников сёгуна. Одетые в разноцветные длинные кимоно, с напомаженными волосами, увязанными в кольцо, со свежевыбритыми лбами, они смотрели на него сверху вниз с легким пренебрежением.

– Сёсакан-сама? – спросил один чиновник.

Сано с трудом поднялся:

– Да?

Вода ручьями текла из-под шлема и кольчуги. Сано поклонился, остро чувствуя свою невзрачность рядом с чужим изяществом.

– Сёгун хочет, чтобы вы немедленно прибыли к нему в театр Но, – сообщил другой чиновник.

У Сано екнуло сердце. После двух месяцев молчания Токугава Цунаёси хочет его видеть!

– Он сказал зачем? – осведомился Сано с надеждой.

Чиновники мрачно покачали головами, поклонились и зашагали прочь.

С помощью слуги Сано избавился от боевого снаряжения. В раздевалке снял нижнюю одежду, ополоснулся под душем и вытерся полотенцем. Затем облачился в повседневный наряд – длинные, широкие черные штаны, темно-красное кимоно с золотыми штампованными узорами и гербом Токугавы (трилистником штокрозы), поверх надел черный хитон с гербом своей семьи в виде четырех переплетенных журавлей. Он нетерпеливо ждал, пока слуга вытрет ему выбритое темя и соберет волосы в пучок. Наконец приладил к поясу мечи.

«Может, у сёгуна, – подумал Сано, – есть для меня задание и я сумею выполнить данное отцу обещание». В душе родилось предчувствие чего-то важного. Он постарался избавиться от этих мыслей: «Наверное, сёгун просто из вежливости решил уделить минуту внимания прилежному служащему, чтобы потом забыть о нем навсегда». Но разубедить себя, перестать надеяться на лучшее Сано не удалось.

Идя к воротам, разделявшим тренировочную площадку и внутренний двор замка, он бросил взгляд в сторону мишеней для стрельбы из лука. Товарищи-самураи уже подобрали свои стрелы. Только его осталась на месте. Сано отвернулся. Стрела торчала в траве на расстоянии целого локтя от мишени, и это показалось дурным предзнаменованием.

* * *

Охрана записала имя гостя на специальной дощечке, обыскала на предмет спрятанного оружия и, наконец, пропустила через окованные железом ворота. Оказавшись во внутреннем дворе, он двинулся вдоль идущего по кругу каменного коридора между двумя параллельными каменными стенами, соединенными бесконечными рядами побеленных караульных помещений. Он обошел по периметру внутренний двор и очутился в восточной части, где располагался дворец сёгуна. Коридор стал постепенно подниматься вверх, повторяя контур холма, на котором был выстроен замок. Через каждые сто шагов Сано задерживал сторожевой пост. Охранники снова и снова обыскивали его, прежде чем пропустить через очеред-

ные ворота. Сквозь окна и бойницы караульных помещений он замечал других охранников. Много солдат патрулировало коридор или сопровождало посетителей и чиновников. Даже в мирное время, когда вероятность осады была весьма проблематичной, никому не удавалось пройти по замку тайком. Сано никак не мог привыкнуть к тому, что за ним постоянно наблюдают.

Иногда ему казалось, что замок при всем великолепии и изяществе является не чем иным, как огромной тюрьмой.

Однако в такой день замок представлялся очень красивой тюрьмой. Свежий весенний ветерок, слетая с гор, шуршал в лапах сосен, покачивающихся над черепичными крышами караульных помещений вдоль внутренних стен. Через окна во внешних стенах перед Сано на мгновение открывалась долина. Светло-зеленая дымка проклюнувшихся листьев несколько расцвечивала и оживляла оливково-ко-ричневый фон соломенных или черепичных крыш города. Вишневые деревья, которые теперь были в полном цвету, нежно-розовыми облаками обрамляли берега многочисленных каналов, образовывали ослепительные массивы вдоль широкой илистой реки Сумида и превращали склоны возвышавшихся над замком гор в захватывающее дух буйство зеленых и розовых волн. Их аромат наполнял воздух едва ощутимой горьковатой сладостью. Вдали на западе поднималась невозмутимая, покрытая снежной шапкой вершина горы Фудзи. Сано прибавил ходу. Он в следующий раз полюбуется красотами замка. Может, тогда он почувствует себя в этих стенах более уютно.

– Подождите, пожалуйста, Сано-сан!

Сзади раздались голос и торопливые шаги. Сано обернулся и увидел Ногуши Мотоори, своего непосредственного начальника, тог пыхтя спешил по дорожке. Сано подождал и, когда Ногуши приблизился, отвесил ему приветственный поклон.

Ногуши, главный архивист замка, полностью соответствовал представлению Сано о том, как должен выглядеть самурай-ученый. Широкие штаны и верхний хитон прикрывали короткое тело, ставшее из-за сидячего образа жизни архивиста рыхлым и тучным. Два меча на поясе казались неестественным приложением к неуклюжему, нерешительному и совершенно не склонному ссориться, а тем более сражаться с кем бы то ни было человеку. Ногуши было около пятидесяти лет. Маленькие водянистые глаза сидели на детском круглом лице. Когда Ногуши был озабочен, как сейчас, морщины на лбу добегали у него до самого выбритого темени. Добрый, заботливый и терпеливый, к тому же разделявший его любовь к истории, Ногуши понравился Сано с первого взгляда. Тем не менее Сано, получив должность, с помощью которой надеялся добиться успеха, хотел бы иметь более сурового начальника.

– Уф, рад, что удалось вас нагнать, – сказал Ногуши.

Они пошли рядом. Скрывая нетерпение, Сано замедлял шаг, чтобы Ногуши поспевал за ним. Придется уделить несколько минут начальнику, дабы продемонстрировать вежливость.

– Вам будет приятно узнать, переговоры по поводу вашей женитьбы идут вполне успешно, – сообщил Ногуши. – Судья Уэда согласен на встречу. Вы, госпожа Рэйко и ваши семьи смогут познакомиться.

Новость и в самом деле оказалась приятной.

– Очень признателен вам, Ногуши-сан, за хлопоты ради меня, – сказал Сано, используя формальные, но прочувствованные слова благодарности, диктуемые приличиями.

Сано, холостой в тридцать один год, очень хотел иметь жену и семью – особенно сына, продолжателя рода. Кроме того, он лелеял романтическую, но малореальную надежду на духовную близость, которую брак по сватовству мог принести, но не обязательно приносил. Отец, мечтавший поправить материальное и общественное положение семьи, не позволял Сано взять жену из их круга и слал предложения только дочерям богатых знатных самураев, связанных с основными кланами. Все предложения были отвергнуты. Однако теперь,

при новой, высокой должности, Сано считал, что его перспективы стали более благоприятными. И Ногуши, выступая в качестве свата, как часто делали высокопоставленные самураи, неплохо справлялся со своими обязанностями. Родичи Рэйко были наследственными вассалами Токугавы, ее отец занимал должность судьи южного Эдо и слыл очень богатым.

– Если встреча пройдет хорошо, – сказал Ногуши, – то очень скоро (конечно, после того, как закончится траур по вашему отцу) я с удовольствием поприсутствую на вашей свадьбе. Вот такие дела.

Он улыбнулся, но, судя по морщинам озабоченности, на душе у него было еще что-то, не связанное с переговорами о женитьбе. Сано ждал продолжения разговора.

Наконец, Ногуши промолвил:

– Порой можно без лишних слов дать понять: хотя ты с радостью выполнил бы поручение, однако твое время могло бы быть потрачено с большей пользой на что-либо другое. – Он переключился на иносказательную речь, которой пользовались многие утонченные представители высшего общества. – Можно также внушить, что поручение лучше дать кому-то другому. Не оставляя, конечно, никакого сомнения в своей готовности и способностях выполнить задание. Даже не имея представления о конкретных обстоятельствах, я уверен, умный человек сумеет заставить других принять свою точку зрения, не снискав при этом порицания и не потеряв лица.

Сано растерялся.

– Да, понятно, – сказал он, но только потому, что Ногуши бросал на него многозначительные взгляды, как бы умоляя понять свои намеки.

– И конечно, вы не забудете, что его превосходительство очень занятой человек. Мелкие вопросы неизбежно должны тотчас же выветриваться из его головы. Но это не совсем плохо.

Они подошли к воротам, ведущим к дворцовым покоям.

Теперь смысл речи начальника стал понятен Сано. Многие чиновники, включая Ногуши, из боязни обесчестить себя или попасть в неприятное положение шли на все, чтобы избежать любого поручения, хорошего или плохого, способного привлечь внимание сёгуна. Ногуши не мог открыто посоветовать подчиненному проигнорировать прямой приказ. Но видимо, узнав, что сёгун вызывает Сано (не причину вызова), он предлагал ему использовать все средства, чтобы увильнуть от задания. Или в случае, если не удастся, помедлить с выполнением в надежде, что Токугава Цунаёси забудет о поручении. Сано понял позицию Ногуши, но не согласился с ней.

Он подождал, пока они минуют сторожевой пост и войдут в дворцовый сад, и сказал:

– Благодарен вам за заботу, Ногуши-сан, но я должен, не уклоняясь и не откладывая, выполнять все, что прикажет правитель.

Ногуши даже задохнулся от подобной опрометчивости.

– Ах нет, я вовсе и не имел в виду, что вам следует ослушаться приказа его превосходительства! – выпалил он. Затем прижал ладонь к губам и зыркнул по сторонам, не подслушивает ли их кто.

Дворцовый сад зеленел в полном весеннем убранстве. Охранники расхаживали по гравию через лужайки, где цвели вишни и магнолии. Садовники подметали дорожки и подстригали кусты азалии, усыпанные красными цветами. Разноцветные наряды чиновников делали пейзаж более красочным. Большинство служащих торопилось прочь от дворца – белого, низкого, широкого строения из алебастра с дверями, балками и оконными решетками из темного дерева и многоскатной крышей из сверкающей на солнце серой черепицы. Сано понимал, почему Ногуши опасался соглядатаев: даже намек на непослушание толковался как государственная измена и наказывался изгнанием или смертью. Эдо был переполнен шпионами и информаторами, многие из которых находились в самом замке. Любой чиновник, каждый

слуга мог оказаться агентом сёгуна – или просто клеветником, желающим выдвинуться за счет соседа.

– Я всего лишь поделился с вами опытом, – громким шепотом пояснил Ногуши.

Сано не мог воспользоваться советом, исходившим от человека, единственным стремлением которого было прожить оставшиеся годы в тишине и покое. Но Ногуши желал ему добра.

– Да, я знаю. Спасибо вам за совет, Ногуши-сан. Я запомню.

Они подошли ко входу во дворец, обменялись словами прощания. Ногуши покачал головой:

– Молодые люди, вы все такие торопливые и горячие. Надеюсь, вам не придется сожалеть о своих делах, Сано-сан. – И добавил более веселым тоном: – Что ж, всего наилучшего и удачи.

Стража пропустила Сано через массивные резные двери. Сняв обувь и мечи в огромном переднем зале, он вспомнил о предостережении Ногуши и почувствовал легкую дрожь в груди. Он еще многого не знал о бакуфу – военном правительстве страны. Не совершает ли он ошибку, пытаясь исполнить долг одновременно перед правителем и перед отцом? Мысль показалась странной. Он шел по полу из полированного кипариса через внешнюю часть здания, где находились правительственные помещения, пытаясь преодолеть растерянность. Сердце бешено колотилось, а ладони от нервного напряжения стали влажными. Дойдя до дверей, ведущих в театр Но, он остановился и попытался собраться с духом перед встречей с верховным военным диктатором страны.

– Сёсакан Сано Исиро к его превосходительству, – сказал он охранникам.

Те поклонились, распахнули двери и встали по сторонам, давая ему пройти. Гоня опасения, Сано вошел.

Он оказался на веранде, выходящей на огромный покрытый гравием двор с рядами сосен по краям. Слева перед ним находилась сцена театра Но – приподнятая деревянная платформа, крышу которой поддерживали четыре колонны. Сцена была развернута вправо. Расположившиеся в глубине сцены три барабанщика и два флейтиста наигрывали мрачную старинную мелодию. Посередине сцены стояло вишневое деревце в горшке, подле него лежал актер в ветхих одеждах странствующего монаха. Он как будто спал. Певцы и другие актеры сидели по обеим сторонам кулисы.

Сано во все глаза смотрел на человека, которому поклялся служить.

Цунаёси, пятый сёгун из рода Токугава, восседал на мягких подушках, одетый в яркое шелковое кимоно, отливавшее на складках золотым, коричневым и розовым цветами. Поверх кимоно красовался черный хитон с широкими плечами. На голове у сёгуна была цилиндрическая шапочка. В руках он держал закрытый веер. Сёгун улыбался и время от времени качал под музыку головой. Цунаёси, как слышал Сано, покровительствовал театру Но. Правитель, казалось, не замечал выражения скуки на лицах у десяти придворных, вынужденных смотреть постановку, стоя на коленях справа и слева от его помоста.

Сано ощутил некоторое удивление, поскольку забыл, что Цунаёси, маленький, добродушный с виду, в сорок три года выглядит таким старым. Сано напомнил себе, что перед ним потомок великого Иэясу Токугавы, менее сотни лет назад одержавшего победу над многочисленными враждующими кланами и объединившего страну. Цунаёси пользовался властью по наследству. Его слово – закон, он распоряжается жизнью и смертью своих подданных.

По мосткам, которые вели к занавешенным дверям раздевалки, спустился юный актер с мечом в руках. На нем были парик из длинных распущенных волос, высокая черная шапка, черное парчовое кимоно и широкая алая юбка с глубокими разрезами. Заняв место в левой передней части сцены, он начал исполнять медленный стилизованный танец и петь:

Давным-давно.
Влекомый земным бесчестием,
Я призраком явился
В то место, где умер,
Приняв обличье, которое имел,
Когда жил на земле,
Чтобы рассказать спящему монаху
Свою историю, произошедшую давным-давно.

Сано узнал пьесу «Таданори», написанную почти три столетия тому назад великим драматургом Дзэами Мотокиё. Таданори, правитель Сацумы, являлся воином-поэтом из клана Хэйкэ. Когда в императорском дворце стали составлять антологию поэзии знаменитых авторов, туда включили одно из стихотворений Таданори, не указав при этом автора, поскольку Хэйкэ считались мятежниками. Таданори погиб в сражении, сожалея, что его имя осталось неизвестным. В пьесе призрак рассказывает странствующему монаху о себе, чтобы его не забывали как поэта.

Мое стихотворение было выбрано для Великой книги,
Но, увы! Из-за недовольства повелителя
Под ним нет моего...

Сёгун громко ударил веером по помосту. Актер прервал мелодекламацию на полуслове и сбился с танцевального ритма.

– Нужно не так! – крикнул Токугава Цунаёси. – Нужно вот так!

Он пропел несколько строк слабым, тонким голосом. По мнению Сано, разницы между исполнением стихов не было, однако присутствующие одобрительно зашептались.

– Ничего-ничего, э-э, можешь идти. Следующий!

Актер спрыгнул со сцены. Музыка заиграла снова, и другой актер начал спускаться по мосткам. Теперь Сано понимал: это не постановка профессиональной труппы сёгуна, а прослушивание тех новичков из семей, управлявших провинциями страны, которым выпала честь удовлетворять вкус правителя к развлечениям. Вдруг Сано посетила ужасная мысль: а не хочет ли Цунаёси прослушать и его? Картины подвигов, сопряженных с великой отвагой, потускнели, и он неосознанно сделал шаг назад. Но сёгун подал знак рукой.

– А, сёсакан Сано, – сказал Токугава Цунаёси. – Подойдите. – Повернулся к актерам и музыкантам. – А вы уходите и ждите, когда вас позовут.

Люди на сцене поклонились и направились по мосткам к раздевалке. Сано, чувствуя неловкость под любопытными взглядами, пересек дворик и встал на колени перед помостом.

– Ожидаю приказаний вашего превосходительства, – сказал он, низко кланяясь. Лоб и руки коснулись земли.

– Встаньте и подойдите ближе, – приказал сёгун.

Сано приблизился. Он напряг ноги, унимая дрожь в коленях, они задрожали, едва сёгун обратил на него внимание. Осмелившись прямо взглянуть на Цунаёси, Сано не удивился тому, что правитель его не узнает, что тонкое, аристократическое лицо озадаченно поморщилось. Если даже он сам забыл, как выглядит Цунаёси, то где уж великому правителю помнить его.

– Что ж, э-э, – сказал Цунаёси. – Похоже, вы самурай, который обладает достаточными физическими и умственными способностями, чтобы выполнить мое поручение. Решительно не понимаю, почему я до сих пор не воспользовался вашей службой.

Приближенные зашептались, он глянул на них.

– Теперь я исправлю оплошность, – обронил Цунаёси. – Прошлой ночью был убит Каибара Тодзю. Ему отсекли голову и сделали из нее, э-э, военный трофей.

Характер преступления, а также личность убитого поразили Сано. Отсечение головы у поверженного противника являлось военной традицией и, как правило, не практиковалось в мирное время. Каибара Тодзю был наследственным вассалом рода Токугава, одним из тех, чьи предки служили сёгунам в течение многих лет и традиционно занимали почетные должности в обширной империи. И все-таки не столько новость взволновала Сано, сколько мысль, что сёгун именно ему собирается поручить расследование убийства. Слишком много жизней было поломано или погублено, когда он занимался предыдущим, единственным своим расследованием. Интерес в Сано разгорелся. Приятное ощущение сладостной тревоги впервые за последние месяцы взбодрило его. Недолгая полицейская карьера породила бессознательную тягу к опасности и приключениям. К тому же в Сано всегда жило стремление искать и находить истину. В последнее время у него не было возможности утолять эту страсть. Но теперь...

– Бундори обнаружили, э-э... – Лицо сёгуна сморщилось, изображая напряженную думу.

– На пожарной вышке в торговом районе Нихонбаси, на аптекарской улице, ваше превосходительство. – Зашелестели шелковые наряды. Сёгун и слуги повернулись на звук мужского голоса, донесшегося из глубины помещения.

Проследив за их взглядами, Сано заметил канцлера Янагисаву Ёсиясу, стоявшего за помостом. Любопытство Сано возросло. Об этом человеке он много слышал, но видел всего один раз.

Сочетание в Янагисаве рослости, подтянутости, величественной осанки и резких, но приятных черт лица создавало впечатление поразительной мужественной красоты. Читавшийся в глазах незаурядный ум заставлял все внимание сосредоточивать на лице и не замечать блестящих, модных нарядов. Ходили слухи, будто Янагисава, которому исполнилось тридцать два года и который стал протеже Цунаёси в двадцать лет, был и остается любовником сёгуна. Как бы там ни было, Янагисава, похоже, имеет большое влияние в бакуфу.

Янагисава встал на колени рядом с помостом, на почетном месте, ближе остальных к сёгуну. Подобострастные поклоны слуг и поспешность, с которой они очистили для него место, свидетельствовали о том, что этот человек обладает большой властью.

– Ваше превосходительство, – сказал он, поклонившись сёгуну.

Цунаёси приветливо улыбнулся:

– А, канцлер Янагисава. – В голосе послышались нотки облегчения, словно он обрадовался приходу того, кто обладал большими, чем он, знаниями. – Мы как раз обсуждаем неприятность, случившуюся прошлой ночью. Я решил поручить найти, э-э, убийцу моему новому сёсакану.

Янагисава бросил взгляд на Сано. Глаза под густыми изогнутыми бровями, большие и влажные, казались даже при солнечном свете совершенно черными, будто зрачки постоянно расширены. Блеснувшая в них враждебность потрясла Сано до глубины души. Чем он мог обидеть канцлера?

С появлением Янагисавы, почувствовал он, все, включая сёгуна, насторожились. Напряжение несколько ослабло, когда Янагисава учтиво сказал:

– Мудрое решение, ваше превосходительство.

Одобрение вроде бы доставило сёгуну удовольствие, а слуги выглядели благодарными за то, что все обошлось без конфликта. Присутствующие вздохнули с облегчением и поудобнее устроились на коленях. Несколько увереннее почувствовал себя и Сано. Несмотря на первое впечатление, Янагисава казался искренним. Он даже наградил Сано улыбкой, угол красиво очерченного рта приподнялся.

Цунаёси повернулся к Сано:

– Это убийство, по сути, является, э-э, актом войны против рода Токугава. Того, кто его совершил, следует поймать и примерно наказать. Мы не можем позволить ему остаться безнаказанным после столь отвратительного вызова нашему режиму. Безнаказанность равносильна сигналу для кланов, дескать, мы уязвимы для нападения. Поэтому я распорядился, вам будет оказано необходимое содействие и помощь со стороны, э-э, всех сил полиции. Соответствующие приказы уже отданы. Кроме того, вы можете воспользоваться услугами настоятельницы замкового храма, которая обладает способностью общаться с миром духов. Я приказал, ее пришлют прямо к вам домой. А теперь, сёсакан Сано, идите и немедленно приступайте к расследованию. Сегодня вечером в моих покоях доложите мне о, э-э, ваших успехах. – Сёгун махнул веером. Аудиенция окончилась.

Сано низко поклонился.

– Благодарю вас, ваше превосходительство, за великую честь вам служить, – сказал он, пряча удивление и скепсис по поводу оккультных дел. Сано никогда не слышал, чтобы духи помогали в расследовании уголовных преступлений, это не входило в стандартные полицейские процедуры, но он не мог подвергать сомнению решение сёгуна. – Сделаю все, что в моих ничтожных силах.

Еще он собрался выразить признательность за предоставленную помощь, но взгляд сёгуна переместился на сцену. Цунаёси с явным нетерпением ждал возобновления прослушивания актеров.

– Премного благодарен, ваше превосходительство, – повторил Сано и покинул театр. Лицо у него светилось от улыбки, рвущейся из души. Лишь сегодня утром надежда прославиться казалась тщетной. А теперь появился шанс доказать: он, истинный приверженец бусидо, добьется того, чтобы его имя заняло достойное место в истории. Шанс испытать волнение и опасность и – самое важное – открыть истину, позволить свершиться правосудию и, быть может, спасти человеческие жизни. Сёгун посулил содействие полиции, успех практически обеспечен. Уверенность в своих силах теплой волной прокатилась у Сано в груди. Поручение обещало щедрые награды при минимальном риске.

Он вышел из дворца под яркое весеннее солнце, от предостережения начальника Ногуши и враждебности канцлера Янагисавы остались смутные тени в самой глубине сознания.

Глава 2

Путь Сано пролегал вниз по холму мимо сторожевых постов и по мосту, перекинутому через ров, опоясывавший замок. Сано миновал ворота и вошел в официальную часть замка, где располагались служебные помещения главных слуг сёгуна и высших чиновников, как обычно, не веря в то, что действительно здесь живет. Вдоль дороги стояли красивые дома, каждый дом имел двухэтажный флигель, побеленные стены были украшены черными изразцовыми плитками, составляющими диагональный узор, окна были забраны решетками. Ворота под крышами разрывали сплошной массив белого и черного, слева и справа от ворот находились помещения для стражи. Мимо них стремился поток хорошо одетых чиновников, их помощников, дам в паланкинах, которые несли мощные носильщики, слуг, посыльных, отрядов конных и пеших самураев. Сано, раздавая встречным коллегам, подчас едва знакомым, короткие, формальные поклоны, дошел до своего дома. Два охранника поклонились ему и открыли ворота. Он прошел на мощеный двор. Высокая деревянная изгородь опоясывала главное строение. Как всегда, по приходе домой Сано с большой неохотой миновал ведущие во внутренние покои ворота.

Стоящий на высоком фундаменте из каменных глыб огромный дом с тяжелой черепичной крышей, спускающейся глубокими скатами на широкую веранду, скорее отталкивал, чем притягивал его. Окна закрывали темные деревянные решетки, деревянные ступени вели к крыльцу. Сано вошел в дом, вспоминая свой первый день в замке.

Когда он пожаловался, что дом чересчур велик для одного, а конюшня с лошадьми не нужна, сопровождавший его чиновник сказал:

– Если вы откажетесь от того, что его превосходительство вам пожаловал, то он может счесть вас неблагодарным.

И Сано вынужден был принять дом во владение. Сано разулся при входе. Преодолев желание идти на цыпочках, прошел по коридору и оказался в главном зале.

– Настоятельница храма, которую послал его превосходительство, еще не приехала? – спросил Сано слугу.

– Нет, господин.

На лице Сано появилось выражение неудовольствия. Лучше начать расследование с изучения места преступления, важные улики могут быть утрачены, если не прибыть туда достаточно быстро. Сано не мог позволить себе дожидаться, пока какая-то старуха прихромает к нему из храма. Кроме того, его одолевало сомнение относительно плана сёгуна. Он не разделял веры Цунаёси Токугавы в сверхъестественное, в то, что общение с царством духов поможет установить личность убийцы. Скорее практические меры дадут ответы на вопросы. Но сёгун взял да и приказал ему советоваться со специалистом по оккультным делам. Новое положение, заподозрил Сано, при всей престижности и полномочиях способно породить обстоятельства, которые не столько облегчат, сколько затруднят расследование убийства.

Слуга ждал приказаний. Сано сказал:

– Мне хотелось бы поесть прямо сейчас.

Предстоит много работы, трудно сказать, когда выпадет случай снова утолить голод.

– Да, господин, – Поклонившись, слуга удалился.

Сано, усевшись на помост, с привычным беспокойством обозрел собственные владения. На полу лежал прекрасно выделанный татами. Стену за спиной украшала великолепная фреска, изображающая пейзаж. Раздвижные двери были открыты по обеим сторонам комнаты. Через левую дверь виднелась веранда, выходящая в сад с цветущими вишневыми деревьями, с валунами, покрытыми мхом, и прудом. Солнечный свет падал на сделанные из тикового дерева полки, секретеры, рабочий стол, задвинутый в нишу, свитки бумаги и вазу с

лилиями. Через правую дверь виднелся коридор, ведущий в спальню, где служанка смахивала пыль с лаковых шкафов и сундуков. Приглушенные голоса подсказывали: остальные слуги заняты работой на кухне, в ванной и туалетной комнатах, в шести других спальнях и в бесконечных коридорах. Однако Сано дом казался пустым и нежилым. Книги и одежда были аккуратно разложены по шкафам, ничто не указывало на его присутствие в доме, если не считать буддийского алтаря, установленного в углу этой комнаты: на алтаре перед портретом отца дымили благовония, стояли чашка с сакэ и ваза с фруктами. Сано не умел заполнять пустые жилые пространства. Не умел он и расслабляться в величественных помещениях.

Большую часть жизни он провел в густонаселенном районе Нихонбаси, в небольшом доме, расположенном за отцовской школой боевых искусств, вместе с родителями и их служанкой по имени Хана. Стены в четырех крошечных комнатах были настолько тонки, что не заглушали звуков, как рождавшихся внутри дома, так и доносившихся с улицы. Комната в полицейской казарме была больше, но не тише. Относительная тишина новых хором нервировала Сано. Но сильнее тишины угнетало одиночество.

После смерти отца Сано перевез мать и Хану к себе, но мать оказалась неприспособленной к жизни в замке. Она опасалась выходить во двор, страшилась общения со слугами и изысканными, утонченными соседями. Когда Сано пытался ободрить ее, она только смотрела на него с молчаливой скорбью. Она не могла здесь ни есть, ни спать. Спустя десять дней Хана сказала Сано:

– Молодой хозяин, ваша мать умрет, если останется здесь. Отошлите ее домой.

Сано нехотя уступил, он сожалел, что не может разделить с матерью своего нынешнего достатка. С отъездом матери и Ханы одиночество стало невыносимым. Он старался как можно больше времени проводить на тренировочной площадке, в архиве. Он ходил на вечеринки, которые устраивали слуги сёгуна. Придворные не понимали, почему правитель возвысил его, поскольку обстоятельства не позволяли им этого знать. Соответственно они негодовали, хоть и старались порой добиться его расположения. После того как тренировки, работа и развлечения заканчивались, наступал ужасный момент возвращения домой, в тишину.

Возможно, женитьба на Рэйко заполнит пустоту его жизни. Сано надеялся, что первая, самая важная, официальная встреча их семей пройдет успешно.

Вошел слуга и поставил перед ним поднос. Сано съел овощной суп, рис, жаренные на углях креветки, сашими, квашеную редиску, перепелиные яйца, соевый творог, приготовленные на пару сладкие пампушки – все вкусное, красиво оформленное и в нужном количестве. Многое ему претило в жизни в замке, однако пожаловаться на качество еды и обслуживания он не мог. Сано завершал трапезу, когда в коридоре послышались шаги. В комнату в сопровождении слуги вошла женщина.

Слуга объявил:

– Настоятельница храма его превосходительства.

Сано никогда не бывал в Момидзияме, фамильном храме Токугавы, находившемся в центре замка. Он представлял настоятельницу вроде тех старух, что прислуживали в городских синтоистских храмах для простолюдинов. Взгляд на гостью поверг Сано в изумление.

Она была ростом примерно с него – высокая, наверное, одних с ним лет. Несмотря на полное отсутствие белил, лицо отличалось чрезвычайной бледностью. Редкие веснушки покрывали щеки и переносицу. Нос был длинный и тонкий. Густые блестящие волосы, собранные в тугую прическу, отливали на солнце рыжевато-коричневым огнем, широкая прядь ниспадала из-под гребней на шею. Непокорность высоких скул перекликалась со смелым разворотом плеч и сильными руками, которые легли на пол, когда настоятельница встала на колени для поклона.

– Я – Аои.

Глубокий, немного вибрирующий голос напоминал гул храмового колокола. Голос приятно отозвался в душе Сано. Когда настоятельница выпрямилась, чтобы беседовать с ним, ее движения приобрели естественную грацию, смягчившую определенную угловатость телесных форм. Дешевое кимоно из хлопка – бледно-голубое с узором из белых облаков и зеленых ивовых ветвей – выглядело на ней элегантнее, чем дорогое шелковое на более стройной и изысканной даме. Многие мужчины, подумал Сано, сочтут ее неинтересной, бесконечно далекой от общепринятых стандартов женской красоты. Для него же это самая красивая женщина из всех, которых доводилось видеть раньше.

Она твердо смотрела ему в глаза в течение нескольких мгновений. Сано заметил: зрачки у нее странного, светящегося светло-коричневого цвета. Она одарила его коротко вспыхнувшей улыбкой. У него перехватило дыхание, когда на щеках у женщины обозначились ямочки.

– Его превосходительство объяснил вам, что вы будете помогать мне в расследовании убийства Каибары Тодзю?

Неловкость положения немного смущала Сано. Традиционный уклад заставлял мужчин и женщин работать раздельно. Все служащие в бакуфу были мужчинами. Ушли в прошлое те дни, когда женщины-самураи скакали в бой рядом со своими мужчинами. Новизна ситуации никак не беспокоила и даже не интересовала Сано, пока он полагал, что настоятельница – почтенная старуха. Но советоваться, сотрудничать с молодой и привлекательной женщиной...

– Да. Сёгун все объяснил.

Сано впервые столкнулся с такой невозмутимостью, как у Аои. Она определенно излучала силу. Где-то в глубине души он вроде сёгуна верил в древние мифы и легенды, в вещи, неподвластные человеческому разуму. По мере общения с Аои его в целом скептическое отношение ко всему чудесному начало колебаться. Возможно, она и впрямь обладала властью над миром духов. Легкий привкус первобытного ужаса вынудил Сано почувствовать себя неуверенно. Мистическая власть ставила ее вне жестких рамок общества, где простолюдин автоматически подчинялся самураю.

Не зная, как именно следует относиться к Аои, Сано решил прикрыть внутреннюю неловкость внешней бесцеремонностью.

– Значит, так. Вы полагаете, будто способны определить личность убийцы?

– Возможно. – Она опустила голову в медленном поклоне. Явно неразговорчивая, она не собиралась поддерживать беседу.

– Каким образом? – поинтересовался Сано, стараясь не выказать волнения.

Взгляд Аои встретился с его, откровенность глаз притягивала сильнее, чем робкое заигрывание.

– Я совершу обряд. Войду в контакт с духом погибшего человека. Мы узнаем об убийце все, что знал он. От него самого. Увидим убийцу его глазами. Если богам будет угодно.

Сильная рука повернулась ладонью вверх, выражая как неуверенность, связанную с такого рода предприятием, так и надежду на успех.

– Понятно. – Сано понравился кратчайший путь к правде, а также перспектива вновь увидеть Аои. Однако сначала следовало заняться упорными поисками информации в мире живых. – Я приеду в храм сегодня вечером.

– Сегодня вечером, да. – Восприняв его слова как сигнал к завершению разговора, Аои вновь поклонилась и поднялась на ноги. – Для проведения обряда мне понадобится что-нибудь из вещей жертвы. Чтобы установить связь с его духом.

Сано кивнул:

– Хорошо.

И она удалилась столь же скромно, сколь и пришла.

Сано задумчиво посмотрел вслед настоятельнице. Действительно ли ее обряд укажет убийцу? Сано позвал слугу и приказал оседлать коня.

Выезжая из ворот, он почувствовал нечто, что не имело ничего общего со стоящей перед ним задачей. Впервые он с нетерпением ждал вечера, который придется провести в замке.

Глава 3

К востоку от замка суетился в повседневных делах торговый район Нихонбаси, зажатый на узкой полоске земли между владениями знатных кланов и рекой Сумида. Вдоль узких извилистых улиц открытые прилавки магазинов выставляли напоказ товар: где масло, где сакэ, где посуда, корзины, металлические изделия, где соевый соус. Запахи дыма, готовящейся еды, опилок перемешивались с запахами выгребных ям и конского навоза. Продавцы, сидя на высоких помостах у заведений, пререкались с посетителями или призывно выкрикивали в проходящую толпу:

– Лучший соевый соус по самой низкой цене, заходите ко мне!

– Корзины высокого качества, заходите и увидите сами! Попрошайки шныряли среди прохожих, тряся чашками для подаяний. Вопящие дети путались под ногами. Сано, направляясь к месту убийства Каибары Тодзю, жался к краю улицы, чтобы не наехать на покупателей. На аптекарской улице нормальная жизнь замерла. Хозяева и посетители, забыв про товары, стояли в дверях магазинов и возбужденно переговаривались. Сано догадывался о причине такого поведения, и тем не менее зрелище, открывшееся за углом, изумило и насторожило его.

Огромная возбужденная толпа собралась перед самой большой аптекой. Тревожные вести быстро распространялись по Эдо. Прошло всего несколько часов, как было обнаружено тело Каибары, а самураи на лошадях, мастеровые в грязных одеждах, крестьяне с мешками на спинах уже тянули шеи, чтобы разглядеть предполагаемое место преступления. Крики «Что там? Дайте посмотреть!» усиливали общее волнение. Разносчики новостей продавали наспех отпечатанные листки, и, без сомнения, весть об убийстве вскоре дойдет до каждого, кто еще не слышал о нем.

– Убийство ради бундори! – кричали разносчики.

Похоже, событие превратилось в сенсацию и наверняка вызвало массу дурных слухов. Сано почувствовал: страх и любопытство распространяются в воздухе словно инфекция. Сёгуна беспокоила политическая подоплека дела, но Сано считал необходимым побыстрее найти убийцу и по другой причине: среди горожан могла возникнуть паника. Где же полиция? Почему она ничего не предпринимает, чтобы успокоить толпу или сохранить ценные улики? Сано, быстро спешившись, привязал коня к столбу и стал локтями прокладывать себе дорогу. И вдруг остановился.

Несколько человек с коротко остриженными волосами, выдававшими самураев низкого ранга, лениво прислонившись к стене магазина, наблюдали за нараставшей суматохой. На самурае лет пятидесяти была надета искусно выделанная кольчуга, под которой виднелись богатое шелковое кимоно и широкие штаны, на верхнем хитоне красовался вышитый герб Токугавы, а на голове – покрытый лаком шлем. В смятении Сано узнал бывшего коллегу и врага: ёрики Хаяси, старшего офицера, поспособствовавшего его изгнанию из полиции. Остальные двое самураев – досины, патрульные полицейские. У каждого за поясом короткий меч, в руке крепкий стальной прут с двумя изогнутыми зубьями над рукоятью для перехватывания клинка нападающего – дзиттэ, обычное вооружение досина. Их помощники, крестьяне, оснащенные палицами и копьями, находились рядом. Однако едва ли полиция, опытная в уголовных делах, ждала его приезда, чтобы приступить к работе.

Сано нехотя приблизился к давнему врагу, поклонился и через силу вежливо произнес:

– Доброе утро, Хаяси-сан. Почему ваши люди бездельничают вместо того, чтобы наводить порядок или расследовать убийство?

На узком лице Хаяси застыло неприязненное выражение.

– Сёсакан-сама, – презрительно выдавил он и с насмешкой поклонился. – Значит, вы снизошли с высот вашего положения, – он повел глазами в сторону замка, – до наших убогих мест. (Где самое место Сано, давал понять тон сказанного.) Но отчего вы полагаете, будто мы будем делать за вас вашу работу?

Дурное предчувствие усугубило досаду Сано на оскорбительные слова.

– Сёгун назначил меня руководить расследованием, – объяснил он, – но при полном содействии полиции.

Хаяси усмехнулся:

– На сей счет у меня нет никаких распоряжений. – Несмотря на злорадный тон, в словах прозвучало некоторое раскаяние. – Мне приказано оставить это дело в ваших умелых руках.

Ёрики зашагал вниз по улице, подав знак своим людям следовать за ним. Толпа расступилась, давая полицейским пройти. Приказы сёгуна, с тревогой осознал Сано, извращены во время прохождения по административной цепочке. Без необходимых согласований Сано не имел права распоряжаться полицией. Но он не может тратить время на согласования. След убийцы остывает.

– Я настаиваю на вашем содействии, Хаяси-сан. – Сано преградил ёрики дорогу и посмотрел ему прямо в глаза.

Ноздри у Хаяси раздулись от гнева:

– Смешно! Прочь с дороги!

Сано понял: Хаяси не хочет уступать на глазах у подчиненных и горожан, одновременно он опасается последствий, если не подчинится привилегированному слуге сёгуна. Сано точно не знал, насколько простираются его новые полномочия, но решил развить преимущество:

– Нам многое нужно сделать. Поэтому давайте начнем. С застывшим от злости лицом Хаяси резко кивнул одному из досинов:

– Цуда, проследи, чтобы сёсакан-сама получил все необходимое ему содействие. – Он снова двинулся через толпу к своему богато убранному коню.

Настроение у Сано упало. Он узнал в Цуде того, кто помог сфабриковать против него обвинение в убийстве. Цуда, бросив обиженный взгляд вслед уезжавшему Хаяси, выдвинул вперед громадный подбородок. Для начала он изо всех сил сжал рукоять дзиттэ, словно собрался пустить в ход и против Сано и против начальника, свалившего на него непрошеную ношу. Потом расплылся в улыбке, которая нисколько не смягчила угрюмое лицо.

– Ты, Хирата, – бросил товарищу, – поможешь сёсакан-саме. – Из-за тона титул прозвучал как оскорбление. Цуда победоносно устремил на Сано полный злобы взгляд.

Хирата выступил вперед. В двадцать с небольшим лет он имел широкое бесхитростное лицо, серьезные глаза, коренастую фигуру и здоровый крестьянский загар. Три помощника, еще моложе, чем он, обступили начальника.

Прочитав явную досаду на лице у Сано, Цуда грубо расхохотался.

– Расследуйте что хотите, – сказал он. – Кстати, можете не затруднять себя поисками трупа. Он уже по пути в городской морг. – Он насмешливо ковырнул землю ногой, снова засмеялся, небрежно кивнул и ушел, позвав за собой своих помощников.

Сано посмотрел вниз, на то место, которое указал Цуда. Увидев, что земля вокруг увлажнена и тщательно подметена, он сильно огорчился. Должно быть, здесь рухнуло обезглавленное тело Каибары Тодзю, но не осталось никаких улик, ничего, что можно было бы отнести Аои для обряда. Есть целая толпа подозреваемых, потенциально все жители Эдо, но пока сёгун не повторит приказ полиции, у Сано не будет никаких помощников, кроме четырех молодых людей, не более опытных, чем сам Сано. Исиро вспомнил собственный недавний оптимизм. Расследование начиналось из рук вон плохо. Долг, однако, требовал немедленных действий. Правосудие и честь ожидали его усердия.

Сложив у рта ладони рупором, Сано крикнул:

– Слушайте все! – Толпа притихла, головы повернулись в его сторону. – Прошу тех, кто обнаружил тело убитого, выйти вперед.

(Если они, конечно, уже не разошлись!)

К его облегчению, появились двое мужчин и женщина. Они без промедления пали ниц и принялись отбивать поклоны, снова и снова повторяя: «Досточтимый господин».

– Встаньте, – велел Сано, сконфуженный чрезмерным проявлением уважения.

Крестьяне всегда подчинялись самураям, те имели право их убить, за убийство им грозило лишь замечание. Однако с тех пор, как Сано начал носить герб Токугавы, знаки почтения стали столь щедры, что он, человек из небогатой семьи, чувствовал смущение.

Сано попросил Хирату:

– Пожалуйста, очистите улицу, пока я допрашиваю свидетелей.

Толпа любопытных увеличилась, некоторые, с татуировками, походили на бандитов. В беспокойном Нихонбаси что угодно могло спровоцировать шумную ссору, а этого ни Сано, ни городу вовсе не было нужно.

С неожиданной расторопностью Хирата с помощниками принялся разгонять толпу. Сано повернулся к свидетелям. Жавшихся друг к другу пожилых людей легко было принять за брата и сестру – оба маленького роста, худые и согбенные, без зубов, седые, морщинистые, со старческими пятнами на коже. Оба в темно-синих кимоно и соломенных сандалиях. Третий свидетель был лет на двадцать их моложе, полный, с отвислыми щеками и короткими волосами, стоящими торчком. Копье с бамбуковым древком и кожаный панцирь выдавали в нем стражника, местного жителя, охраняющего ворота Нихонбаси.

Сано обратился к пожилому человеку:

– Как вас зовут?

– Таро, господин. Хозяин этой аптекарской лавки. – Он указал на магазин. – Мы с женой нашли тело.

– А вы? – спросил Сано у стражника.

– Удогуши, – прошептал тот. Будучи явно не в себе, он непрерывно вытиралруки о короткое серое кимоно. – Я нашел голову.

Несмотря на усилия Хираты, вокруг них собрались любопытные. Сано повернулся к пожилому свидетелю:

– Давайте поговорим в вашей аптеке.

Обменявшись испуганными взглядами с женой, тот кивнул:

– Конечно, господин. – Он приподнял выкрашенный индиго кусок материи, который, свисая со ската крыши, наполовину закрывал вход в магазин.

Сано вошел.

Аптека ничем не отличалась от большинства магазинов Эдо: центральный проход между дощатыми приступками, застекленная крыша. Свет сверху дополнял освещение от открытого на улицу прилавка. Помещение заполняли керамические горшки с экстрактами растений; подносы с сушеным корнем женьшеня; плетенки с травами, орехами, разделанными рогами северного оленя и какими-то порошками, коробки с лекарствами. В воздухе витали горький, сладкий, кислый и мускусный запахи. Осмотревшись, Сано присел на край приступки и пригласил свидетелей последовать своему примеру.

Аптекарша сказала:

– Отец, где твои манеры? Мы должны предложить гостю освежиться! Господин, пожалуйста, окажите нам честь, отведайте чая в нашем жалком магазине.

Сано отметил: должность дает преимущество, которого он не имел при первом расследовании, а именно – готовность свидетелей сотрудничать.

– Прекрасно. – Он сделал глоток женьшеневого чая. Хозяева вроде успокоились и разулыбавшись уселись на полу. – Таро-сан, при каких обстоятельствах вы обнаружили тело?

– Ну, – Таро наморщил лоб, – когда мы открыли двери сегодня утром, оно лежало на улице в луже крови. – В отличие от стражника аптекарь не выказывал потрясения. Вероятно, за долгую жизнь всякого насмотрелся.

– Который был час? – спросил Сано.

– О, тогда не рассвело. Наш магазин всегда открывается самым первым на улице, а закрывается ночью, самым последним. Потому и дела идут неплохо. – Таро махнул рукой на вход, где Хирата объяснял покупателям, что аптека временно закрыта.

– Вы не видели или не слышали чего-нибудь подозрительного прошлой ночью?

Супруги приняли до смешного одинаковые позы: палец приложен к щеке, глаза прищурены. Поразмыслив, они с сожалением покачали головами. Аптекарь сказал:

– Нет, господин. Мы много работали днем, а потому ночью спали очень крепко.

Его жена вздохнула:

– Бедняга. Надо же, такой ужас случился с таким безобидным человеком.

– Вы знали Каибару? – насторожился Сано. Откуда торговцам известен хатамото Токугавы, который скорее всего за покупками отправлял слуг?

– О да, – сказал аптекарь. – Не по имени, конечно, имя нам сказали только сегодня. Но с прошлого года он часто ходил по этой улице. И ночью и днем.

Сано задумался: было ли убийство Каибары, как считал сёгун, нападением на клан Токугава, или Каибару прикончил кто-то, знавший его привычки и следивший за ним прошлой ночью?

– Не говорил ли Каибара, зачем приходит сюда? Он появлялся здесь в определенное время?

Аптекарша потрясла головой:

– Он не заговаривал с людьми. Он просто улыбался и кивал. Мы никогда не знали, увидим ли его в следующий раз. То он приходил каждый день, то исчезал на месяц. Но он всегда возвращался. – Она вздохнула. – Теперь больше не придет.

«Данные о Каибаре сейчас очень важны», – подумал Сано, поворачиваясь к стражнику.

– Всего несколько вопросов, Удогуши-сан, и я вас отпущу, – сказал он, заметив, что у мужчины нездоровый цвет лица и сильно дрожат губы. – Где и когда вы обнаружили голову Каибары?

– Я шел домой со службы, – заговорил Удогуши сдавленным голосом, словно что-то задерживало звук у него в горле. – Туман рассеивался. Я посмотрел на небо и тут... – Стражник сглотнул. – На пожарной вышке... Я поднялся по лестнице и нашел... – Одной рукой он провел по губам, другой продолжал тереть по одежде.

– Вы заметили кого-нибудь? – с надеждой спросил Сано.

Стражник помотал головой, но скорее в растерянности, чем отрицательно:

– Не думаю. Я... я был так напуган, что даже не помню, как слез оттуда. Все, что я помню, это как бежал по улицам и звал на помощь. И еще, как люди выходили из домов посмотреть, в чем дело. – Голос Удогуши упал до шепота. – Кто-то, наверное, вызвал полицейских, потому что потом, помню, они задавали мне вопросы и требовали, чтобы я показал им... – Ею замутило.

Наблюдая за руками Удогуши, Сано понял: стражник пытается стереть след смерти, оставленный бундори, избавиться от ужаса находки. Сано обратился к аптекарю:

– Принесите, пожалуйста, для Удогуши воды.

Он подождал, пока стражник прополоскал рот, вымыл руки, смочил щеки. Скоро Удогуши обрел нормальный цвет лица, стало быть, успокоился.

– Потом я каким-то образом оказался здесь и увидел тело и кровь, – сказал стражник. – Я сказал полиции, что не знаю, кто его убил.

– А я знаю. – Аптекарша убежденно кивнула. – Это призрак. Дух самурая, который бродит по земле, считая, будто битва, в которой он убит, продолжается.

– Она права, – воскликнул Таро. – Кто, если не призрак, может убить и исчезнуть без звука и следа? И кто, кроме древнего самурая, станет делать трофей из головы убитого врага?

Сано испугался. Действительно, минуло восемьдесят девять лет со дня сражения у Сэкигахары. Тогда воюющие кланы в последний раз отрубали головы у поверженных противников в качестве военных трофеев. Теперь же в Эдо происходят обычные, незамысловатые преступления, часто при свидетелях, с большим количеством улик, очевидными мотивами, доступными следами. Невежественные, суеверные люди ухватились за историю с призраком, чтобы как-то объяснить себе то, чего не понимают. Они посеют панику среди легковерных горожан, возникнут массовые волнения. Реакция Удогуши показала, что может произойти, если *слуха* распространятся.

– О нет, нет же, – простонал стражник. – Значит, прошлой ночью я видел призрак? Я обречен. Я скоро умру! – Его лицо вновь сделалось пепельно-серым, он закачался.

– Убийца – реальный человек, а не призрак, – отчеканил Сано, бросив на аптекаря с женой предостерегающий взгляд. – Ну-ка, Удогуши-сан, уткнитесь головой в колени. – Он удерживал стражника в согнутом положении до тех пор, пока не стихли всхлипывания и тело не прекратило дрожать. – Вот так. Теперь опишите человека, которого видели, и скажите, когда это было.

Стражник сел прямо и потряс головой так, что отвисшая нижняя челюсть чуть не оторвалась:

– Он был последним, кто прошел через мои ворота перед закрытием. Я заговорил с ним, но он не ответил. К тому же было темно, стоял туман, я не разглядел его хорошенько.

– Он был потным или худым? – набрался терпения Сано. – Высоким или приземистым?

– Не знаю. Не помню. Это был самурай, по крайней мере человек с мечами. На нем висел мешковатый плащ. Лицо скрывала соломенная шляпа.

Сано почувствовал разочарование. Даже если тот человек был убийцей, вряд ли кто-нибудь сможет его опознать по описанию Удогуши.

– Он ничего не нес с собой? – спросил Сано, имея в виду голову Каибары. Может, удастся выяснить время убийства?

– Не помню.

– Вам больше нечего сказать о нем? Подумайте как следует.

Стражник и думать не стал:

– Нет.

Сано мысленно подытожил беседу. То, что преступник – самурай, вытекало из способа убийства, но делать какие-либо предположения опасно. Описание подозреваемого слишком общее, показания свидетелей не позволяют определить временные рамки преступления и не сужают круг подозреваемых.

Аптекарь обнаружил тело до рассвета, до того, как открылись ворота. Значит, Каибара погиб прошлой ночью, когда он и его убийца вышли на улицу до закрытия ворот. Удогуши нашел голову по дороге домой уже после того, как ворота открылись. Убийца мог оставить бундори на пожарной вышке либо прошлой ночью, либо очень рано сегодня утром. Сано надеялся получить подтверждение тому, что преступник убил Каибару, принес голову домой, обработал и отнес трофей на вышку в сравнительно небольшой промежуток времени – между наступлением темноты и закрытием ворот. В этом случае он должен проживать в Нихонбаси. Но поскольку в его распоряжении была вся ночь, то он мог прийти откуда угодно.

– Спасибо за гостеприимство и помощь, – сказал Сано пожилой паре. – Вынужден приказать вам никому не передавать ваши байки о призраке. Вы только напугаете людей.

Он обернулся к стражнику:

– Мне бы хотелось осмотреть вышку, где вы нашли голову.

Удогуши в ужасе открыл рот. Сано поспешно добавил:

– Вам не придется туда идти. Просто покажите мне место.

– Хорошо, господин. – Выйдя вместе с Сано на улицу, стражник указал на восток.

Сано увидел над крышами башенку и пошел к ней. Вслед потянулась толпа любопытных. Все, похоже, знали, кто он, и хотели присутствовать при раскрытии преступления.

– Расступитесь. – Хирата поднял дзиттэ. – Дайте сёсакан-саме работать!

Будучи не в состоянии рассеять большую толпу, досин с помощниками задержал людей, позволив Сано беспрепятственно добраться до вышки. Сано понял: от молодого досина будет больше пользы, благо он старается помочь, чем от Цуды и Хаяси.

Сано вскарабкался по хлипкой лестнице. Ступени были влажные. Поэтому Сано расстроился, но не удивился, обнаружив квадратную платформу чисто вымытой. Посередине красовалась небольшая лужа. Что-то похожее на песок захрустело под ногами. Соль. Горожане вымыли и очистили вышку от частиц сверхъестественного, которые остаются после смерти. При этом уничтожили следы убийцы.

Сано ухватился за шест, поддерживающий крышу вышки, и выглянул на улицу. В деревянном городе, где жители пользуются жаровнями на угле для обогрева и приготовления пищи, огонь представляет постоянную опасность. Едва ли проходит месяц без пожара, а тридцать восемь лет назад Великий пожар уничтожил большую часть Эдо и унес сто тысяч жизней. Жители непрерывно дежурят на таких вот вышках, готовые ударить в колокола при малейшем признаке огня или дыма. Сегодня воздух над городом чист. Но прошлой ночью туман сделал наблюдение бессмысленным. Убийца удачно выбрал время и исчез с места преступления, не оставив улик. Покачивая головой, Сано с досадой смотрел вниз.

Вид переполненных улиц напомнил ему, что в Эдо живет один миллион человек, из них примерно пятьдесят тысяч – самураи. Как найти убийцу? Теперь, на пороге неудачи и бесчестья, Сано почти сожалел о том, что не последовал совету Ногуши. Однако бус идо требует от самурая беспрекословной и бескомпромиссной службы господину. К тому же необходимо выполнить обещание, данное отцу. Сейчас более чем когда-либо Сано были нужны мудрость и наставление отца.

– Ото-сан, что мне делать? – прошептал он.

Если дух отца и услышал его, то предпочел промолчать. Сильнее, чем обычно, чувствуя тяжесть утраты, Сано спустился вниз, где его ожидал Хирата.

– Опросите всех в районе и выясните, не было ли чего-нибудь или кого-нибудь подозрительного прошлой ночью или сегодня утром, – сказал Сано. – Поищите человека с ранами от меча. Проведите тщательный осмотр каждого строения, начиная с пожарной вышки и аптеки.

Он объяснил, что искать, потом помедлил, опасаясь полностью довериться молодому незнакомцу. Но его ждало важное дело, и оно не терпело промедления.

– О результатах доложите мне перед главными воротами замка в час собаки, – закончил Сано и пошел вниз по улице.

– Сёсакан-сама.

Сано, успевший сделать десять шагов, обернулся. Хирата по-прежнему стоял у лестницы.

– Да?

– Виноват, – кадык на шее у Хираты нервно дернулся, однако голос прозвучал твердо, – но вы не пожалеете, что позволили мне работать для вас. – Щеки у Хираты ярко рдели.

В манерах досина сочетались целеустремленность зрелости и дерзость юности. Значит, еще один самурай видит в этом расследовании возможность проявить себя. В Сано неожиданно вспыхнула симпатия к Хирате.

– Посмотрим, – снисходительно сказал он, как никто другой понимая, что решимость способна компенсировать недостаток опыта.

Покраснев от радости сильнее, Хирата скрылся за углом дома.

Сано отвязал коня и направился на север, к моргу. Может, останки Каибары Тодзю дадут улики, которые не удалось найти на месте преступления.

Глава 4

В угрюмом верхнем этаже главной башни замка эхом отдавались шаги охранников, патрулировавших коридоры и лестницы внизу. Сквозь зарешеченные окна просачивалось тонкими пыльными лучами полуденное солнце. Канцлер Янагисава стоял, глядя в окно, высокая, элегантная фигура четко проступала среди игры света и тени.

– Итак, куноиши, – сказал Янагисава с усмешкой, – какие сведения тебе и твоим шпионам удалось собрать о сёсакане Сано?

Аои, стоявшая у него за спиной, вздрогнула, как от удара. Куноиши – женщина-ниндзя, специалист по темным боевым искусствам, происходила, согласно легенде, от демонов, наделенных сверхъестественной силой. Аои не возражала против этого слова, она гордилась тем, кто она есть. Но явное пренебрежение, прозвучавшее в тоне Янагисавы, вызвало у нее в крови медленный злой огонь. Более глубокое, чем презрение мужчины к женщине, начальника – к подчиненному, оно отразило старинное отношение самураев к ниндзя. Самураи презирали ее народ как грязных наемников, пользующихся хитростью, диверсиями, тайными убийствами, шпионажем и обманом вместо открытого боевого искусства. Аои подумала: «Неужели канцлер не понимает, что именно его сословие породило демонов?» Некогда миролюбивые мистики-буддисты, ниндзя выработали знаменитые смертоносные навыки в качестве защиты от правящего сословия, которое сжигало их храмы и убивало верующих, пытаясь уничтожить недоступное разуму.

Тем не менее антипатия никогда не удерживала Янагисаву и ему подобных от привлечения ниндзя к работе, которую они считали подлой. Например, для слежки за каким-нибудь ничего не подозревающим подчиненным.

Спрятав за маской невозмутимости неуважение к хозяину, Аои передала то, что узнала от слуг Сано:

– Сёсакан рано встает каждый день и занимается тренировкой. По многу часов работает в архиве. Ест и пьет умеренно. – Бесконечные упражнения научили Аои искусству убирать из голоса эмоции. – Он никогда не посещает район увеселений Ёсивара, но часто навещает мать. Он не склонен к азартным играм и не тратит деньги на безделицы. Если бывает на вечеринках, то возвращается рано и один и сразу ложится спать.

Докладывая, Аои воображала длинную череду ниндзя, которая начиналась более двухсот лет назад и тянулась через долгие войны, предшествовавшие установлению режима Токугавы. Перед внутренним взором промелькнули Фумо Катаро, устраивавший для правителя Ходзё Одавары тайные ночные нападения на неприятеля из клана Такэда; Саиго Магоиши, непревзойденный мастер в области огнестрельного оружия и взрывчатки; Хаттори, бывший руководитель службы безопасности в замке. В тени этих ниндзя стояли женщины, хотя о них не упоминалось ни в одной летописи. Под видом служанок, проституток, актрис – или настоятельниц монастыря – они, шпионки и убийцы, вредили врагу способами, не доступными агентам-мужчинам.

Когда войны закончились, ниндзя вернулись в горы. Но некоторые стали преступниками или телохранителями у частных лиц в городах. Череда ниндзя, способствовавших правящему сословию в реализации военных и политических замыслов, обрывалась на ней. Она была анахронизмом и служила режиму Токугавы по той же причине, что и ее предки: если откажется подчиняться, Токугава сперва убьет ее, а потом пошлет в горы войска и истребит ее клан. В Японии обычно наказывалась целая семья за проступок одного из ее членов. Аои сумела побороть гнев, вспомнив, что дурные чувства являются источником силы, но только при правильном использовании.

– У Сано нет любовницы, он не соблазняет ни служанок, ни мальчиков из конюшни. Судя по сообщениям моих агентов, он является именно тем, кем кажется: человеком, полностью сосредоточенным на своих обязанностях. Настоящим самураем.

В отличие от Янагисавы. Какое жалкое существо – человек, стоящий к ней спиной!

Шелковое кимоно канцлера шурша заскользило по полу. Янагисава повернулся. Лицо оказалось в тени. Но, обладая острым зрением, Аои заметила, что красивые черты изуродованы злобой.

– Настоящий самурай, – процедил он сквозь крепко стиснутые зубы.

Аои замечала малейшее колебание воздуха. Она улавливала текущий от Янагисавы горьковатый запах дикого страха и ненависти к Сано. Она попробовала определить причину столь сильных эмоций. Канцлер прославился тем, что умел губить людей, которые могли когда-нибудь конкурировать с ним за положение и власть. Сано, спасший жизнь сёгуна, принадлежал как раз к таким людям. Однако дальнейшие слова Янагисавы сбили ее с толку.

– Два месяца наблюдений – и все только для того, чтобы обнаружить: Сано – кладезь добродетелей! – Янагисава принялся быстрыми шагами мерить комнату. – А ведь теперь, когда ему поручили расследовать убийство Каибары Тодзю, как никогда важно найти оружие против него. – Янагисава остановился в полушаге от настоятельницы. -

Ты уверена, безупречный Сано не имеет слабостей, которыми можно воспользоваться?

Аои почувствовала симпатию к Сано. То ли из-за ненависти к человеку, который замышляет что-то против сёсакана; то ли из-за того, что покладистый ум и скромность отличали Сано от обычно жестоких и самовлюбленных самураев. Неожиданная эмоция испугала ее. Она не должна давать волю чувствам. Перед глазами мелькнуло, но всего на мгновение, задумчивое лицо Сано. Аои вспомнила физическое влечение, испытанное к сёсакану. Она точно знала: и он испытал то же самое. Он был мужчиной, который мог бы ей понравиться при других обстоятельствах...

Она отбросила пустую фантазию и сказала:

– Он одинок. А одиночество делает людей уязвимыми.

Как хорошо Аои знала, что такое одиночество! Ее тренированный мозг фиксировал злобные речи Янагисавы, отсылал в память. Но на другом, более глубоком уровне сознания Аои переживала свою жизнь, начиная с того дня, как покинула родную провинцию Ига.

Туманный осенний день пятнадцать лет назад. Четырнадцатилетняя девочка учится в секретной горной школе. Юные куноиши приобретают навыки боевых искусств и шпионажа Аои бегом преодолевает полосу препятствий из густо посаженных деревьев, валунов, горизонтальных рей и наклонных досок. Это упражнение должно придать ее движениям скорость, ловкость и бесшумность. В конце полосы стоит любимый отец. Он дзёнин – человек, достигший совершенства. Печальное выражение на его лице заставляет девочку замереть на месте.

– Что случилось, отец?

– Аои, пришло время приступать к работе, для которой тебя воспитывали. Сегодня ты едешь в замок.

Аои сжимается, борясь с отчаянием, холодным, как ветер с гор. Неизбежный отъезд всегда казался ей далеким будущим. Теперь будущее наступило. Глаза отца отражают душевную муку, но он только говорит:

– Это необходимо.

С раннего детства Аои знала: спрашивать нельзя. Дзёнин принимает в клане все решения, ему известно больше других, низшие члены клана обязаны подчиняться ему без всяких сомнений. Но она догадывалась: ниндзя, чтобы обеспечить собственное выживание, всегда служат сильнейшему. Ее отец поставил на род Токугава. То, что он посылает в замок свою самую лучшую и любимую куноиши, служит доказательством.

Аои хочется плакать, неистовствовать, отказаться, но ее подготовка позволяет ей лишь сказать:

– Да, отец. Пойду приготовлюсь.

Спасаясь от боли разлуки, до сих пор острой, Аои вернулась из прошлого в настоящее.

– Сано нельзя позволить разгадать это убийство, и он его не разгадает. – Янагисава злорадно рассмеялся. – Как хорошо, что мне удалось заронить мысль о тебе в голову его превосходительства!

То, что он в собственных целях собирается помешать расследованию убийства, показалось Аои преступным. Отчего он хочет, чтобы дело осталось нераскрытым? Потому что стремится уничтожить Сано как будущего соперника? Или у него есть более зловещая причина, непосредственно связанная с убийством? Но не дело Аои задаваться вопросами относительно мотивов хозяина, ни к чему ей задумываться о судьбе его несчастных жертв. В противном случае работа станет совершенно невыносимой. Проверено за пятнадцать долгих лет.

Она начала работу в замке в качестве прислуги на кухне: следила за другими слугами. Аои отчаянно скучала по дому, в душе сторонясь тех, с кем заводила дружбу ради их секретов. Вечерами она лежала на кровати, делая вид, будто спит. Дождавшись, когда соседки по комнате засыпали, она тихо проскальзывала через залитые лунным светом пустые дворики и каменные коридоры в Момидзияму.

– А, Аои. – Голос старой Митико, раздававшийся в темных дверях, стрелял, как дрова в костре.

Согбенная и иссохшая, но с ясными, молодыми глазами, Митико была куноиши из той же деревни, что и Аои. Она исполняла обязанности главной настоятельницы храма и руководительницы дворцовой женской шпионской сети с тех пор, как Иэясу Токугава основал замок.

– Что у тебя есть сообщить сегодня?

– Ночной сторож намерен украсть рис со склада сёгуна, – докладывала Аои. Или рассказывала об иных проступках челяди.

Ответ Митико всегда был один и тот же:

– Очень хорошо, детка. Твой отец может гордиться тобой.

Сегодня, пятнадцать лет спустя, мысль об отце по-прежнему заволакивала слезами глаза Аои. Отец мог бы гордиться ею, однако вряд ли примирился бы с тем, что его дитя несет несчастья: мужчин и женщин пороли или даже казнили за мелкие провинности перед правителем. Как и раньше, Аои утешалась мечтой: однажды она откажется выполнить задание и спасет жертву. А неминуемая смерть за ослушание даст покой, которого она так жаждет. Но отказаться от задания позорно, недопустимо. И Аои внимательно прислушалась к словам Янагисавы.

Его шаги ускорились, запах страха и ненависти стал интенсивнее.

– Ты будешь держать меня в курсе расследования. Больше того, ты направишь Сано по ложному следу, извратишь послания духов. Задействуй весь свой ум, добейся уважения, раздели его одиночество, заручись его привязанностью и доверием.

Аои в совершенстве овладела искусством по завоеванию доверия врага притворной доброжелательностью. За первые три года пребывания в замке, пока росла от простой прислуги до дамы, сопровождающей женщин высших чиновников сёгуна. Хорошие манеры, познания в медицине и массаже сделали ее очень популярной. Не о мелких проступках слуг теперь она докладывала Митико – о безумствах, прелюбодеяниях, извращениях, царивших в верхушке бакуфу. Со временем смирение заменило печаль, тоска по дому превратилась в непрерывную, но терпимую боль. Аои даже стала получать удовлетворение от применения своих талантов. Она, как и ее предшественницы, располагала большей свободой и способ-

ностью передвигаться, чем простые женщины, правда, только тогда, когда выполняла приказ хозяина. Она жила одним днем, погруженная в текущие заботы и не позволяя себе задумываться о будущем.

Так же она должна поступать и сейчас. Она поможет Сано ровно настолько, чтобы убедить его в своих добрых намерениях и в том, что ее советам стоит следовать. Затем она, воспользовавшись его доверием, уничтожит Сано и больше никогда о нем не вспомнит.

– У меня родилась идея. – Черные глаза Янагисавы сверкнули, вернув лицу живость. – Если тебе удастся соблазнить Сано, то сёгун отстранит его от расследования... или удалит из замка за пренебрежение обязанностями. А расстройство его брачных переговоров станет приятной наградой. – Янагисава расхохотался. – Надеюсь, тебе не нужно рассказывать, как превратить мужчину в тряпку, а, куноиши?

Внешне Аои сохранила спокойствие, дыхание осталось ровным. Но в крови у нее начали образовываться кристаллики льда при намеке на технику удара по слабому месту врага.

Когда ей исполнилось двадцать лет, она приступила к работе непосредственно с людьми сёгуна. Аои развлекала высоких чиновников бакуфу, ложилась с ними, чтобы добыть факты неверности и коррупции или использовать тайные слабости, пока чиновники сами не уничтожат себя. Она презирала их слабость и глупость и никогда не думала о крахе карьеры, ссылке или самоубийстве – последствии своих трудов. Избирательное сознание стирало каждую жертву из памяти наподобие того, как ядовитые травы избавляли тело от ненужной беременности. Так продолжалось до тех пор, пока она не убила мужчину, который очень много для нее значил. Это случилось шесть лет назад.

Фусэй Мацугаэ, влиятельный член Совета старейшин, вдохновил нового диктатора Токугаву Цунаёси на реформу правительства и пресек попытки Янагисавы узурпировать власть. Ум, честность и поразительная внешность Фусэя увлекли Аои. В нем она наконец увидела самурая, достойного ее. С ним она впервые в жизни испытала сексуальное наслаждение. В отличие от других, относившихся к ней с нескрываемым презрением, Фусэй был добр. Он скрасил ее тоску по отцу и дому.

Она думала, счастье – это бесчувственность, когда жестокость работы не трогает. Видя страсть, которая растет у Фусэя к ней, она считала получаемое удовольствие чисто профессиональным достоинством. Сексуальный экстаз рождал некоторую растерянность, которую она преодолевала, стремясь познать новую радость. Она никогда раньше не любила и потому осознала опасность только тогда, когда было уже поздно.

Чувство вины и ненависти к самой себе сдавило горло, когда намек Янагисавы воскресил в воображении последнюю ночь с Фусэем. Тусклый свет ламп, освещавших спальню, не мог скрыть следов его физической деградации: поджарое, тренированное тело Фусэя стало слабым и вялым, некогда зоркие глаза покрылись кровяными прожилками, руки и губы тряслись. От него сильно пахло сакэ. Аои всегда могла определить человека, имеющего пагубную склонность к алкоголю, по характерному запаху тела, и она намеренно поощряла пьянство Фусэя. Но однажды ночью вдруг поняла, что тоскует по тому человеку, каким он когда-то был, и что любит его.

– Нет, – прошептала она, осознав, насколько бесцветной станет ее жизнь, когда она завершит уничтожение единственной живой души в замке.

Сидя на полу, Фусэй смотрел на нее остекленевшими глазами, в них зарождалось слабоумие.

– Аои, соверши обряд вызова духов, – заплетающимся языком попросил он.

Она часто пользовалась религиозностью своих жертв, их почтительностью к родителям, вызывала для них духов умерших близких. Для этого нужно только сконцентрировать волю, услышать голос давно не существующего человека, а затем проявить свой актерский

талант и воссоздать его облик – и все, можно управлять слабовольными людьми вроде Фусэя. Но сердце Аои восстало против спектакля, который окончательно погубит любимого.

– Не сегодня, милый, – промурлыкала она, гладя его по лицу.

Фусэй не обратил внимания на попытки Аои заманить его в постель. Дрожащими руками он зажег ароматическую палочку и поставил на алтарь.

– Меня покидают союзники, – пожаловался он, не понимая, что именно его пьяные выходки отдалили друзей. Еще меньше он осознавал, что она способствует его самоуничтожению. – Весь Совет старейшин перешел на сторону клики Янагисавы. Я не знаю, как остановить это безумие. Аои, я должен испросить совета у матери.

В дыму благовоний он достал пояс, некогда принадлежавший его матери, и застыл в таком же предвкушении, какое прежде испытывай перед занятиями любовью.

– Беги, – хотелось крикнуть Аои, – пока не все потеряно! И возьми меня с собой. Только подальше от этого жуткого места.

Она подумала о людях из своего клана, чьи жизни зависели от ее постоянного послушания. Скорбно вздохнув, она положила руки на пояс матери Фусэя.

– Слушай, сын мой, – заговорила дребезжащим голосом старой женщины и уподобилась образу, который извлекла из памяти Фусэя.

– Да, мать. – Он выжидательно подался к ней.

– Сын мой, ты должен поднять меч на своих врагов.

– Нет, я не могу! – Затуманенный взор Фусэя прояснился, его потрясли слова матери. – Это будет изменой! – Однако чем дольше он глядел на ту, кого считал матерью, тем больше преисполнялся решимостью. – Но если я должен, то так тому и быть.

Собрав волю в кулак, Аои осталась спокойной.

– Да, сын мой, – прошептала она.

Спустя два дня Фусэя убили во время позорного скандала, который затеял он сам – и Аои. Янагисава стал канцлером. Долгими ночами Аои лежала с открытыми глазами и тихо плакала, ненавидя себя и долг, который связал ее по рукам и ногам. А затем судьба нанесла очередной удар: Янагисава вызвал ее на тайную встречу.

– Митико умерла. Теперь ты будешь руководить шпионской сетью и подчиняться непосредственно мне.

Новость словно громом поразила Аои. Многие годы она лелеяла мечту о свободе, эта мечта поддерживала ее в самые трудные минуты. Втайне Аои надеялась: вернувшись в деревню, она начнет трудиться во имя добра, а не зла, найдет человека, который поможет ей заполнить пустоту в душе, образовавшуюся после смерти Фусэя. И вот – она никогда не будет свободна. Как Митико, она проведет остаток жизни изгнанницей, обреченной выполнять презренную работу для ненавистных людей. Ей захотелось выпрыгнуть из окна с пятого этажа и навсегда покончить с привязавшимся кошмаром.

Но старая угроза оставалась в силе. И она прошептала:

– Да, досточтимый канцлер.

– Ну как, куноиши, – произнес сегодняшний Янагисава. – Тебе понятен приказ?

Аои покорно опустила голову. Шесть лет прошло с тех пор, как она довела до гибели возлюбленного и разбила себе сердце. Теперь она уже не молоденькая глупышка, но зрелый профессионал, она знает, как выполнить приказ. Нет нужды вступать с Сано в интимные отношения и подвергаться риску новых сердечных мук. Она так тщательно запутает расследование, что необходимость в уничтожении Сано отпадет. Она удовлетворит требование Янагисавы, не беря на душу новый грех.

Движение за окном заставило их обернуться. Над крышами, зубчатыми стенами, рвами, сверкающими водой, и зелеными садами кружил ястреб. Вдруг он камнем упал на

маленькую птичку. Крик боли, брызги крови – и хищник с добычей скрылся с глаз. Аои внутренне содрогнулась.

Янагисава еще с минуту смотрел в пустое небо. Тишину разорвали донесшиеся снизу голоса и звук шагов охранников. Канцлер спросил:

– Ты будешь использовать против Сано темные силы?

Темными силами называлось сочетание повышенной чувствительности, осведомленности о чужом душевном состоянии и хороших знаний физиологии человека. Страшное оружие, находящееся вне понимания какого-нибудь самурая, однако едва ли сверхъестественное. Янагисава понимал, она способна его убить клинком или ребром ладони прежде, чем он сможет защититься или позвать на помощь. До сих пор ей не приходилось лично, собственными руками совершать убийства. Это крайнее, жуткое средство для выполнения задания она приберегала на случай, когда прочие способы окажутся бесполезными. Впрочем, она бы с удовольствием убила Янагисаву, если бы не угроза смерти ей и людям, которыми тот распоряжался.

Аои посмотрела в упор на Янагисаву и поняла: канцлер догадывается, о чем она думает. Улыбка слетела с его губ. Баланс власти между ними сдвинулся – на мгновение. Она опустила глаза и поклонилась:

– Я приму все меры, чтобы достичь ваших целей, досточтимый канцлер.

Глава 5

Сано ехал лабиринтом узких улочек, становящихся беднее и угрюмее по мере приближения к тюрьме, где находились не только заключенные, ожидающие суда, но и морг. Яркое весеннее солнце подчеркивало нищету района: полуразрушенные дома с залатанными крышами и кухнями, расположенными на улице, тощие, по-видимому, голодные дети. Теплая погода усугубляла зловоние от мусора, нечистот и скудной пищи.

По шаткому мосту Сано перебрался через затхлый заросший травой ров вокруг тюрьмы. Перед ним вырос мрачный каземат с высокими каменными стенами, многочисленными сторожевыми вышками и массивными, окованными железом воротами. Навстречу Сано из караульного помещения вышли два охранника, поклонились и отодвинули массивные деревянные засовы на воротах.

– Проходите, сёсакан-сама, – дружно сказали они. Два месяца частых посещений приучили охранников к появлению Сано в этом месте смерти и грязи, куда по доброй воле никто не приходит, особенно самураи.

Спешившись и ведя коня через ворота, Сано думал о переменах, произошедших с ним за последнее время. В памяти всплыло первое расследование. Теперь ему уже не нужны были провожатые, чтобы пройти через землистые дворики мимо грязных казарм и административных помещений. Он практически преодолел отвращение к местам, связанным со смертью, присущее синтоистской религии. Близость тюрьмы, где несчастных преступников пытали и содержали в кошмарных условиях, и обычный страх оскверниться более не вызывали у него физического страдания. Спокойно он воспринимал и запах разложения, окутывающий окрестности. Впрочем, он приезжал сюда даже тогда, когда еще не привык ко всему этому, – повидаться с доктором Ито Гэнбоку, смотрителем морга, другом, научные знания которого помогли ему в свое время доказать, что двойное самоубийство на самом деле являлось убийством. Мудрость и доброта доктора позволили ему разрешить личный конфликт между долгом и желанием, подчинением и самовыражением.

Сано проследовал в последний дворик, примыкавший к задней стене тюрьмы, и остановился возле низкого строения с оштукатуренными стенами и соломенной крышей. На стук из двери вышел и упал на колени в поклоне приземистый жилистый человек с коротко подстриженными черными волосами с сильной проседью и квадратным строгим лицом.

Сано поприветствовал его.

Мура принадлежал к эта, отбросам общества. Эта служили могильщиками, дворниками, мастерами заплечных дел, золотарями – вообще выполняли в тюрьме и городе самую грязную работу. Наследственная связь с такими профессиями, имеющими касательство к смерти, как мясник, дубильщик кож, закрепила за ними славу духовно грязных людей. Однако Мура был другом и помощником доктора Ито, и Сано научился относиться к эта с уважением.

– Здоров ли уважаемый доктор, и принимает ли он сегодня посетителей? – спросил он.

– Здоров, как всегда, господин. И всегда рад видеть вас.

– Тогда привяжи коня.

Эта поднялся с колен. Сано вынул из сильно нагруженной седельной сумки солидный пакет и сунул его под мышку, добавив:

– Разгрузи поклажу.

– Да, господин. – Мура принял у Сано поводья, глубокие умные глаза понимающе блеснули.

Сано направился к дверям морга, в душе шевельнулось мрачное предчувствие. Он никогда не знал, что здесь найдет. Робко переступив порог, он сначала затаил дыхание, а затем выдохнул с облегчением.

В большой комнате эта, одетые, как и Мура, в кимоно из небеленого муслина, у высоких столов обматывали пеньковыми веревками трупы, завернутые в белые саваны из хлопка, чистили и раскладывали по ящикам ножи и лезвия, мыли швабрами деревянный пол. Каменный желоб для стока воды у основания одной из стен был пуст: воду для обмывания трупов уже спустили. Окна стояли нараспашку, и волны прохладного воздуха унесли застоявшиеся запахи. На возвышении в углу работал доктор Ито, человек лет семидесяти, с короткими густыми седыми волосами, слегка поредевшими на висках. Он был одет в темно-синий хитон, традиционную одежду лекарей. Когда Сано вошел в комнату, Ито поднял глаза от толстой книги, в которой делал записи.

– А, Сано-сан. Добро пожаловать. – Доктор положил кисть, проницательные глаза засветились радостью, костистое, аскетическое лицо смягчила улыбка. Двигаясь через комнату, чтобы поприветствовать Сано, Ито казался живой иллюстрацией политики сёгунов Токугавы.

Пятьдесят лет назад бакуфу фактически отрезало Японию от внешнего мира в надежде стабилизировать положение в государстве после многих лет гражданской войны. Только голландцам оставило ограниченные торговые привилегии. Иностранные книги были запрещены, любой, уличенный в занятии иностранными науками, подвергался суровому наказанию.

Однако несколько смелых ученых голландской школы, вроде доктора Ито, втайне продолжали заниматься наукой. Ито поймали за руку. В результате громкого скандала признанного медика императорской семьи арестовали и приговорили к пожизненному исполнению обязанностей смотрителя морга. Но сильный духом человек и в заточении нашел источник утешения. Находясь вдали от властей, он занялся анатомированием, имея в распоряжении неограниченное количество научного материала.

Сано поклонился и протянул пакет:

– Приветствую вас, Ито-сан. Примите, пожалуйста, в знак моей дружбы.

Доктор Ито в ответ высказал традиционные слова благодарности и возражения и принял пакет, где лежали письменные принадлежности, – единственный подарок, который он принимал от Сано. В первый и последний раз, когда Сано принес более существенный подарок, друг счел себя оскорбленным, дескать, он не объект для благотворительности. Теперь Сано, когда хотел помочь доктору, передавал пищу, топливо и некоторые предметы роскоши через Мура, тот потихоньку переносил дары в хижину Ито. Все трое знали об этом, но, оберегая гордость доктора, делали вид, будто ничего нет.

– И что привело вас сюда сегодня? – спросил доктор Ито, пристально глядя на Сано. – Мне почему-то кажется, нечто большее, чем желание отдохнуть в приятной компании.

– Сёгун поручил мне расследование убийства Каибары Тодзю, которому...

– Отсекли голову для бундори. – Радость доктора никак не соответствовала характеру происшествия. – Да, я слышал об убийстве. И вам предстоит найти преступника. Прекрасно!

– Не так уж и прекрасно, – озадаченно возразил Сано. Он рассказал о том, что полиция не выражает готовности к сотрудничеству и что на месте преступления не удалось найти улик.

К его удивлению, доктор Ито загадочно улыбнулся:

– Наверное, вы всполошились слишком рано.

Сано подозрительно спросил:

– А что? Вам что-нибудь известно?

– О, очень может быть. Может быть.

Сано собрался попросить более подробную информацию, но хитрый огонек, сверкнувший в глазах Ито, остановил его. Друг мало имел в жизни удовольствий. Пусть чуть-чуть порадуется своему секрету.

– Я бы хотел осмотреть останки Каибары.

– Конечно. Освободите столы, – приказал доктор Ито. – Принесите тело и голову, которые поступили сегодня утром. Мура? – Он повернулся к помощнику, только что вошедшему в комнату. – Будь готов ассистировать.

Мура незаметно кивнул Сано, дескать, подарки спрятаны, и сказал:

– Да, господин. – И пошел к шкафу за инструментами. Слуги унесли спеленатые тела и вскоре вернулись с двумя свертками: большим продолговатым и поменьше прямоугольной формы, оба завернуты в грубую мешковину. Положив свертки на разные столы, слуги покинули помещение.

– Останки пока не обмыты и не приготовлены к кремации, – предупредил доктор Ито.

– Очень хорошо, – одобрил Сано, рассчитывая найти улики.

Но, когда Мура начал открывать свертки, Сано внутренне напрягся, представив их содержимое. «Хорошо бы пища, съеденная накануне, полностью усвоилась, тогда мне не станет дурно, как в прошлый раз», – подумал он. Сано насмотрелся на трупы при разных обстоятельствах и в более неожиданных местах.

И вот мешковина на полу. Сано с трудом проглотил комок в горле. Кровь настолько сильно пропитала одежду Каибары, что определить ее первоначальный цвет было нельзя. Кровь покрывала и мечи в ножнах, которые все еще опоясывали тело, и стыла толстым слоем вокруг раны на шее. Сано заставил себя подойти поближе и вздрогнул, почувствовав сладковатый, тошнотворный, с металлическим привкусом запах разложения.

– Полагаю, нет смысла делать вскрытие, совершенно очевидно, как он умер, – сказал Сано, не скрывая облегчения по поводу того, что не нужно присутствовать при неприятной процедуре.

Он не мог не забыть первого увиденного вскрытия, того ужасного ощущения нечистоты, которое испытал при взгляде на расчлененный и выпотрошенный человеческий труп. Впрочем, для ужаса и отвращения у него имелась добавочная причина: вскрытие осталось незаконной процедурой, как и во времена ареста доктора Ито, Даже покровительство сёгуна не защитит Сано от наказания за нарушение запрета на занятие иностранной наукой. Вместо того чтобы увидеть выполнение приказа, утонченный благочестивый Токугава Цунаёси скорее всего сочтет себя оскорбленным и вышлет Сано из страны или по меньшей мере откажется от услуг двуличного сёсакана. Бросить вызов закону и поставить под угрозу свое положение – такая мысль пугала Сано. Однако, как и в первом деле об убийстве, он пошел бы и на то и на другое, дабы узнать истину.

– Да, вскрытие, кажется, не нужно, – согласился доктор Ито, прошелся вокруг стола и осмотрел тело. – Тем не менее посмотрим. Мура, сними с него одежду.

При всей чудаковатости доктор Ито следовал традиционной практике: возиться с трупами предоставлял эта. Мура принялся раздевать труп.

Сано осмотрел мечи, держа кончиками пальцев, чтобы не испачкаться в крови. Поочередно вынул из ножен сверкающие клинки.

– Чистые. Он даже не обнажил оружие. О том, что он поранил напавшего, и говорить нечего.

Шанс определить убийцу по ранам от меча отпадал.

Мура распустил на Каибаре пояс, на стол выпал маленький холщовый кошелек. Сано поднял его. Из-за того, что мешочек был спрятан за поясом, на нем не было крови. На шнурке, затягивающем кошелек, висел амулет в виде кузнечика из белой яшмы, сидящего на сливе. Сано развязал кошелек, внутри лежали серебряные монеты. Убийца не тронул ценно-

сти, значит, ограбление как мотив исключено. К счастью, обычно нечистые на руку работники морга не решились ковыряться в запекшейся крови и не нашли деньги. Сано заткнул кошелек себе за пояс.

– Завтра верну это семье Каибары.

Он поведал доктору об обряде, который предстояло совершить Аои.

Мура снял с Каибары плащ, верхнее кимоно, штаны и нижнее кимоно, не тронул лишь набедренную повязку, запачканную фекалиями и мочой: смерть опустошила внутренности Каибары. Одежда впитала большую часть крови, оставив страшные наросты на шее и пятна на туловище, маленьком, тщедушном, с усохшими мускулами и бледной, пергаментной кожей, столь характерной для старости.

– Убийца не защищался от Каибары, – предположил Сано. – Старик не представлял ни малейшей угрозы.

– Поверки его, – сказал Муре доктор Ито.

Сано склонился над трупом и констатировал очевидное:

– Ни порезов, ни синяков. Сражен одним ударом. Убийца, вероятно, вынырнул из тумана и неожиданно напал на него.

Ито внимательно осмотрел шею Каибары:

– Мура, промой рану.

Мура принес кувшин с водой и принялся смачивать, стирать кровь, пока не поддалась. Красно-коричневые сгустки под напором воды стекли в отверстие в столе и через бамбуковую трубу в желоб на полу. В желобе громко булькнуло. При виде чисто вымытой раны Сано замутило. Он попытался думать о сочащейся красной плоти, белой кости и перерезанных сосудах как о неких абстрактных вещах, не связанных с человеком, но противное ощущение нечистоты взяло верх. Хоть он и не прикасался к трупу, у него возникло страстное желание вымыть руки.

Доктор Ито, заметив его затруднительное положение, сказал:

– Мура, прикрой тело.

Мура принес из кабинета белую ткань и накинул на труп, оставив открытым только то место, которое представляло интерес. Тошнота отступила, почувствовал Сано. На рану легче смотреть, когда не видишь мертвого тела.

– Спасибо, Ито-сан.

Тот низко склонился и, прищурив глаза, изучил рану с присущим ученому вниманием:

– Нет ни рваных краев, ни неровностей на срезе кости. Рана нанесена очень острым клинком, одним движением – быстрым, уверенным, без малейшего колебания. И с достаточной силой, верно рассчитанной. Убийца точно знал, что делает.

Впечатление, будто доктор едва сдерживает радость, стало более заметным.

– Значит, убийца искусно владеет мечом, – заключил Сано.

– Так оно и есть.

Сано разочарованно выдохнул.

– Вы представляете, сколько человек подходит к данному описанию? – спросил он, подумав о самураях, живущих в имениях, в городе, в самом замке. В мирное время многим больше нечем заняться, кроме как оттачивать боевое мастерство. – Или же он бродячий самурай-одиночка? К удивлению Сано, доктор Ито не разделил его досады, напротив, сказал с сухим смешком:

– Ваша задача не из простых, но не стоит терять надежду. Давайте-ка осмотрим голову.

Они перешли к другому столу. Мура раскрыл меньший сверток. Сано увидел содержимое, и благоговейный трепет моментально заставил его забыть обо всех тревогах. От смешанного чувства восхищения и отвращения ему стало трудно дышать.

– Великолепный экземпляр.

Сано доводилось читать о церемониях после сражений, когда совершалось подношение отрубленных голов. Этот бундори был выполнен безукоризненно до последней детали. Опущенные вниз глаза. Тугая косичка с вплетенной белой тесьмой, квадратная подставка, нарумяненное лицо, запах благовоний – все соответствовало стандартам, прописанным в классических пособиях по военному искусству. Сам Иэясу Токугава с удовольствием принял бы такое подношение.

– Но это лишь подтверждает, что убийца – самурай, который знает, как готовить трофей. – Сано мрачно дотронулся до ярлыка, прикрепленного к косичке. Прочтя написанные тушью иероглифы, удивленно нахмурился. – Араки Ёдзиэмон?

– Полагаю, на трофеях должны быть имена убитых, – сказал доктор Ито. – Вероятно, убийца не знал, что это Каибара, и придумал другое имя, только бы не оставлять ярлык пустым.

– Но почему именно это имя? – спросил Сано. Араки Ёдзиэмон был вассалом Иэясу Токугавы, жил более ста лет назад. Клан Араки в течение нескольких поколений служил роду Токугава, а генерал Ёдзиэмон руководил сражениями, которые вел Иэясу в пользу Оды Нобунаги, когда тот боролся за власть в стране. Сано не понял, какая связь существует между Араки Ёдзиэмоном и убийством Каибары Тодзю. – Если убийца не знал, кто такой Каибара, то где мотив преступления? Зачем убивать совершенно незнакомого человека?

Доктор Ито пожал плечами: вопрос действительно трудный. Поддавшись порыву, Сано отцепил ярлык и сунул его за пояс рядом с кошельком Каибары. Нужно понять значение ярлыка, если оно есть вообще.

– Посоветуйте что-нибудь, Ито-сан.

Доктор словно ждал просьбы. Победоносно сияя, сказал:

– У меня для вас важная новость. Если сумеете воспользоваться, вам не понадобится никакой совет. Мура?

Он кивнул, и эта вынул из шкафа большой запечатанный коричневый керамический сосуд.

– Сано-сан, мне доставляет сомнительное удовольствие сообщить вам, что данное убийство отнюдь не является необычным.

– Не является? Что вы имеете в виду? – Сано в замешательстве посмотрел на друга.

Доктор Ито улыбнулся и кивнул на эта.

Мура взгромоздил сосуд на стол. Острым ножом соскоблил воск, снял крышку и отложил в сторону. Брезгливо скривив лицо, погрузил обе руки в сосуд и выложил на стол мокрый предмет.

Сано затаил дыхание. Сакэ, которую, очевидно, использовали в качестве консерванта, ручьями стекала с отрубленной мужской головы. Белая пленка затягивала глаза, кожа серовато белела. Зато большая бородавка на носу контрастно чернела; губы завернулись назад, обнажив желтые стиснутые зубы; короткие волосы были заплетены в тощую косичку.

– Ярлыка нет, – пробормотал Сано, борясь с тошнотой. – Интересно, почему?

Голова размещалась на квадратной доске, на щеках проступали следы румян. Давнее убийство и нынешнее, несомненно, являлись делом рук одного и того же человека.

– Когда это произошло? – поинтересовался Сано. – Полиция знает об этом?

Конечно, знает! Как похоже на Хаяси – утаить от него важные сведения! Ярость обожгла душу Сано.

– Голову принесли уборщики трупов десять дней назад по моей просьбе, – сказал доктор Ито. – Я сильно сомневаюсь, что кто-либо сообщил о находке в полицию.

– Почему? – Сано перевел взгляд с мрачного трофея на друга.

Доктор Ито взглянул на Мура:

– Убитый был эта.

Прозрение снизошло на Сано:

– А, тогда понятно.

Власти старались поменьше заниматься отверженными. Полиция не утруждалась расследованиями их убийств, даже самых необычных. Не будь доктор Ито столь любознательным, смерть эта осталась бы незамеченной, и Сано не получил бы никакой информации об убийце. Сано почувствовал прилив теплой волны благодарности к другу, чье содействие и поддержка становились раз от разу все более ценными:

– Спасибо, Ито-сан.

– О чем вы говорите! – воскликнул доктор, но в глазах у него вспыхнули огоньки.

Он понял и принял дань уважения, понял Сано.

– Об убийстве мне рассказал Мура, – продолжил доктор. – Убитый его односельчанин. Мура чрезвычайно высокого мнения о моих способностях, он попросил меня найти убийцу. Но, к сожалению, я ничего не могу поделать, кроме как сохранить улику. Если только... – Он с вызовом глянул на Сано.

– Если только я не помогу, – задумчиво договорил Сано, рассматривая голову. – Ну что ж, попробую. Если один и тот же человек совершил оба убийства, то расследование, наверное, приведет меня к преступнику.

По просьбе Сано Мура отстриг клок волос у мертвого эта и завернул в бумагу. Сано убрал новую улику за пояс и распрощался с доктором Ито. Приподнятое настроение в связи с открывшимися возможностями для расследования омрачала тревога. Убийство Каибары, оказывается, не было единственным в своем роде. Кто-то продемонстрировал готовность убивать многократно.

По Эдо ходит безумец, и скольким еще жизням грозит опасность?

Глава 6

Холодный весенний сумрак опустился на северный район Эдо. Крыши храмов, изгибаясь, тянулись навстречу темно-вишневому небу. Звонили колокола, их приятная музыка плыла над холмами, над рекой, над городом. Монахи, облаченные в оранжевое, собирались под сводами монастырей для выполнения вечерних ритуалов. На улицах, крест-накрест перечеркивающих район, роились путники в поисках пищи и ночлега. С крыш закусочных и магазинов свисали, тускло светя, бумажные фонарики. Гудели голоса, звенел смех, царила веселая безмятежность.

В непрерывном человеческом потоке шел охотник за бундори. Он не замечал ни шума, ни людей, ни приветливого света фонариков. Ближайшие пешеходы бросали на него обеспокоенные взгляды, словно опасались его угрюмой целеустремленности. Что ж, пусть смотрят. Пусть трепещут перед героем войн правителя Оды. Он направлялся к храму Асакуса Кэннон, который сиял, как заколдованная крепость. Первые два убийства возбудили аппетит к следующим и заставили сильнее тосковать о прошлом. Вскоре он примет участие в очередной битве и должен помолиться о победе.

* * *

В духоте походного шатра, освещенного фонарями, правитель Ода Нобунага на чрезвычайном ночном совещании вышагивал перед генералами.

– Мой свояк-изменник Асаи объединился с правителем Асакурой из клана Эшизэн, – резко бросил он.

За десять лет, минувших со дня сражения при Окехазаме, Ода сокрушил многих соперников и приобрел важного союзника, Иэясу Токугаву. Ему удалось захватить столичный город Киото. Временами казалось, он непобедим и покорение всей страны – дело времени. Но известие об измене Асаи, полученное накануне запланированного наступления на земли Асакуры, вызвало испуганный ропот у генералов, среди которых теперь числился и охотник за бундори.

– Асаи контролирует горные проходы в северной провинции Оми, – сказал генерал Иэясу Токугава. – Наша армия попадет в засаду, прежде чем сможет добраться до Эшизэна.

Охотник за бундори смело выступил вперед и сказал то, что должно было прозвучать:

– Значит, следует отступить, чтобы дожить до будущего триумфа. – Когда присутствующие повернулись к нему, добавил: – Я возглавлю арьергард.

Он будет молиться за то, чтобы правитель без помех добрался до Киото, он сумеет задержать Асаи и Асакуру достаточно Долго, даже если ему придется погибнуть.

* * *

Под стенами храма Асакуса Кэннон путники столпились у громадной каменной урны, полной дымящихся благовонных палочек. Страдающие разными недугами, хором произнося молитвы, они руками хватали целительный дым в надежде донести до болящих мест. Охотник за бундори прошел мимо калек к главному входу. Голуби, божественные посланцы Кэннон, богини милосердия, беспокойно ворковали и били крыльями на скатах крыш. Он вошел в храм, пересек темный тихий зал и встал перед алтарем. Два монаха проскользнули у него за спиной, бесшумно ступая босыми ногами. Он пристально оглядел позолоченную многорукую статую богини Кэннон, пьедестал в виде горки лепестков священного золотого

лотоса, стены, покрытые фресками, взглянул на мерцающие в сумраке свечи и дымящиеся благовонные палочки, дым от которых превращал окружение в колеблющийся золотистый туман. Он склонил голову в молитве:

– О, Кэннон, помоги моим войскам одолеть врага. Сделай так, чтобы мои победы следовали одна за другой в честь моего повелителя Оды.

Однако он не настолько потерялся в прошлом, чтобы забыть об обязанностях и опасностях сегодняшнего дня:

– Молю тебя, дай мне уничтожить тех, кто должен быть наказан за содеянное ими зло. И тех, кто осмеливается встать на моем пути, особенно сёгунского сёсакана.

Он опустил монету в ящик для милостыни, дабы молитва поскорее дошла до богини, и покинул храм. Небо потемнело; многочисленные гуляки разошлись; светило лишь несколько бумажных фонариков. Он присоединился к путникам, которые двигались по дороге, ведущей от Асакусы. Прошло более ста лет с тех пор, как правитель Ода сразился с правителем Асакурой и изменником Асаи. Но падет ли сегодня и здесь под его мечом человек, которого он так хочет убить? Добудет ли он еще один трофей, отдавая старинный долг чести?

На момент он задумался о практических трудностях поиска жертвы и спасения от возмездия. А в следующий миг головокружительным, близким к экстазу рывком оторвался от обыденности и улетел в царство грез.

* * *

Весну сменило жаркое влажное лето. Армия Оды счастливо миновала ловушку Асаи и без приключений вернулась в Киото. Охотник за бундори мастерски расставил войска арьергарда. Наступило время навсегда уничтожить предателя Асаи и правителя Асакуру. Войска Оды снова были на марше, бесшумно продвигаясь ночами на конях и пешком под непомерно высокой желтой луной к ставке Асакуры.

Разведчики только что принесли известие: Асаи и Аса-кура переправили двадцатитысячное войско через реку Анэгава.

Охотник за бундори ехал во главе отряда. Под кольчугой по спине и груди обильно струился пот. Металлический шлем усиливал пульсацию крови в висках. Охотник почти не слышал перестука копыт, топота ног, пения лесных цикад. Под его командой находились воины, набранные из разбитых Одой вражеских армий. На самом ли деле они вручили свою преданность новому господину? Можно ли им доверять?

Он спрятал сомнения и молодость под величественной осанкой прославленного генерала, требующего полного подчинения и получающего его. Армия шла навстречу славе или смерти. Луна достигла зенита и начала садиться.

– Слушайте! – сказал кто-то.

Невнятно зарокотали боевые барабаны. Барабанщики Оды ответили громовой дробью. Армия рванулась к реке. Загрохотали копыта, тысячи мечей выскочили из ножен. Войска заняли позицию на берегу. Впереди расположились стрелки и лучники, за ними – мечники и копейщики, дальше – генералы.

Внезапно барабанный бой стих. Охотник за бундори посмотрел туда, где за полосой темной воды ожидала вражеская армия, тревожные мысли, страх и сомнения покинули его. Долг каждого самурая – победить в сражении, которое ведет его господин, или умереть, сделав все возможное для победы. С суровой отрешенностью он ожидал приказа правителя Оды.

Грозное молчание тянулось целую вечность. В душной ночи не раздавалось ни звука. Наконец возглас Оды разорвал тишину.

На другом берегу реки правитель Асакура закричал в ответ, принимая вызов.

Под кровожадные вопли и оглушительный треск оружейных выстрелов обе армии ринулись в воду навстречу друг другу.

Глава 7

Они встретились вечером на широком бульваре перед замком.

– Каковы результаты ваших поисков? – прямо из седла спросил Сано.

Хирата в отчаянии развел руками:

– Прошу прощения, мы прошли все дома между двумя воротами и не нашли свидетелей, никого, кто вел бы себя подозрительно, никаких следов крови. Один стражник сообщил, что видел Каибару прошлой ночью. Другой заметил человека в плаще и шляпе, который, похоже, нес корзину. Но он не рассмотрел лица. – Хирата уныло обозрел мост, который вел через ров к главным воротам замка, сторожевые башни и башню главной цитадели, чернеющие на фоне усыпанного звездами неба, гору, где, мерцая в темноте, горели факелы. – Мы рассчитывали охватить больший район, но дело продвигалось медленно, ведь нас было только четверо.

– Тем не менее вы хорошо потрудились, – сказал Сано, и Хирата расправил плечи, даже улыбнулся. Молодой досин по крайней мере избавил сёсакана от необходимости работать ногами. – У нас теперь другое направление поисков. – Сано рассказал об убийстве эта. – Пусть ваши люди продолжат поиски, а вы ждите меня завтра утром в час дракона у дома Каибары. Запомните, Хирата, пока мы не поймаем убийцу, никто не может чувствовать себя в безопасности. По пути сюда я останавливался у всех ворот и требовал, чтобы стража задерживала, обыскивала и записывала имена всех, кто будет проходить через ворота после наступления темноты. Я приказал квартальным старшинам создать вооруженные отряды из жителей для патрулирования улиц от заката до рассвета. Пожалуйста, сделайте то же самое в тех районах юго-западного Нихонбаси, которые успеете объехать до закрытия ворот. Не нужно сеять панику среди горожан, но следует предупредить и защитить их.

Если Хирата и был против нового поручения, то ни словом, ни жестом не выразил этого. Он коротко кивнул и сказал:

– Да, сёсакан-сама.

Они попрощались, и Сано посмотрел ему вслед. Досин заспешил прочь сквозь толпу возвращающихся домой самураев. На другой стороне бульвара поднимались высокие каменные стены имений крупных чиновников. Не за ними ли скрывается убийца? Или он рыщет по улицам в поисках очередной жертвы? Хотя расследование на сегодня закончилось ничем, в Сано проснулся охотничий инстинкт. В тихом омуте контролируемой, размеренной жизни Эдо он ощущал присутствие зла, в любой момент готового на насилие.

– Где бы ты ни был, я найду тебя, – громко поклялся Сано.

* * *

Охранники пропустили его в приемные покои сёгуна. Фонари лили щедрый свет на роскошные фрески, изображающие цветущие сливовые деревья и голубые реки, и на великолепные цветочные композиции, заполняющие пространство между кедровыми колоннами, поддерживающими потолок. Утопленные в полу угольные жаровни гнали прочь вечернюю прохладу.

– А-а, сёсакан Сано, – промолвил с помоста Токугава Цунаёси, возлежа на шелковых подушках. При мягком освещении фонарей его богатое кимоно слабо поблескивало, а лицо казалось более молодым и живым, нежели раньше. – Заходите и отдохните от трудов. Весенний воздух, э-э, столь же утомляющ, сколь и возбуждающ.

– Да, ваше превосходительство. – Сано опустился на колени, поклонился и сел на пятки, чувствуя легкий страх и растерянность оттого, что находится один на один с Цунаёси. Троих телохранителей, застывших, как тени, у дверей, и троих молчаливых слуг, готовых выполнить любой приказ повелителя, можно было не принимать в расчет. Сано получил уникальный шанс поближе познакомиться с правителем, хозяином его судьбы.

Слова Цунаёси показали, что правитель рад углубить их личные отношения:

– Вы ведь ученый, не правда ли? – Получив утвердительный ответ, сёгун продолжил: – У кого вы учились? Каким дисциплинам?

– У монахов в храме Дзодзё, ваше превосходительство. – Сано немного успокоился. Отец, несмотря на денежные затруднения, дал ему прекрасное образование. Какое счастье! Сёгун высоко ценит ученость. Сано мысленно прочитал благодарственную молитву духу отца. – Я изучат современную литературу, математику, юриспруденцию, историю, политическую теорию и китайскую классику.

– Вот воистину образованный самурай. – В глазах у Цунаёси загорелся интерес, и он подался вперед с напряженной улыбкой. – Полагаю, вы знакомы с «Книгой великого учения».

Сано, которому строгие монахи вбили в голову огромные отрывки из этой книги, имел все основания снова ответить утвердительно. Он приготовился к беседе на литературные темы. Нужно угождать правителю. У Цунаёси, говорят, вспыльчивая натура. Малейшая оплошность – и Сано постигнет крах.

Однако сёгун решил перейти прямо к делу:

– Как-нибудь, э-э, вскоре мы с удовольствием поговорим с вами о классической литературе. – Он выпрямился на подушках, лицо приняло строгое выражение. – А пока... Как продвигается ваше, э-э, расследование убийства Каибары?

В коридоре раздались шаги. По приказу, отданному кем-то снаружи, охрана открыла двери. Сано обернулся. В комнату вошел канцлер Янагисава. Вместе с ним появился юный самурай лет четырнадцати. Судя по прическе, юноша не прошел обряда посвящения в мужчины: темя выбрито, но прикрыто длинной прядью волос, падающей со лба. Тонкое и красивое, как у девочки, лицо.

– Простите, пожалуйста, за то, что прервал вас, ваше превосходительство. – Янагисава встал на колени перед помостом и поклонился. Мальчик последовал его примеру и застыл в поклоне с прижатым к полу лбом и широко расставленными руками. Канцлер же уселся подле сёгуна и продолжил речь: – Я осмелился подумать, вы пожелаете сегодня вечером увидеть Ситисабуро. – Он указал на мальчика. – По-моему, вы как-то интересовались им.

Сано слышал о Ситисабуро. Нынешняя звезда труппы Но в театре Токугавы. Он происходил из известной театральной семьи, обладал большим талантом и специализировался на исполнении ролей самураев, что объясняло его прическу. Сёгун, горячий покровитель искусств, конечно, хочет встретиться с ним – но почему сейчас? Сано удивило и встревожило несвоевременное вторжение канцлера.

Сёгун смотрел на Ситисабуро словно очарованный: глаза горят, губы приоткрыты. Еще раньше, до переезда в замок, Сано слышал о пристрастии Цунаёси к молодым мужчинам и мальчикам, о гареме из смазливых актеров, простолюдинов и самураев. У Сано от гнева свело скулы. Однако причиной тому послужили не сексуальные пристрастия сёгуна. Мужеложством увлекались многие самураи, считая его выражением бусидо. Сано удостоверился в правдивости другого слуха: Цунаёси позволял эротическим забавам отодвигать на задний план государственные дела. Сано постарался прогнать непочтительные мысли, голос отца напомнил: «Истинный самурай не смеет порицать господина даже в душе».

Цунаёси, казалось, совершенно забыл о расследовании убийства.

– Поднимись, Ситисабуро, – хриплым голосом приказал он.

Мальчик встал, и сёгун осмотрел его с ног до головы. Янагисава стрельнул острым взглядом. Заметив знак канцлера, юный актер робко улыбнулся. Дыхание Цунаёси участилось, он сделал глотательное движение, на горле дернулся кадык. Сано потупил глаза, смущенный явным проявлением похоти. Янагисава, к его облегчению, кивнул охраннику:

– Проводи Ситисабуро в покои его превосходительства, пусть обождет, пока сёгун не закончит дела с сёсаканом Сано.

Случайное упоминание имени показало, что Янагисава заметил присутствие Сано.

Дверь за Ситисабуро и охранником закрылась, лицо Цунаёси сморщилось от досады. Сано почувствовал себя задетым. Ровный голос Янагисавы прервал неловкую тишину:

– Вы обсуждаете убийство Каибары?

– Убийство? Э-э, да. – Цунаёси заморгал и перевел взгляд на Сано, однако тоскливый вздох выдал, как сёгун сожалеет об уходе Ситисабуро. – Сёсакан Сано как раз собирался рассказать о продвижении следствия. Не присоединитесь ли к нам? Уверен, ваша, э-э, прозорливость будет полезна.

Янагисава и Цунаёси обменялись взглядами, смысл которых Сано не понял. Однако заметил: между канцлером и сёгуном существует какая-то связь. Уж не любовники ли они? Впрочем, непохоже. Они не прикасаются друг к другу, не стремятся к физическому контакту. Янагисава сидит справа от Цунаёси, повернувшись так, чтобы одновременно видеть и сёгуна и Сано. Со стороны Цунаёси чувствуется нежное восхищение, со стороны Янагисавы – нечто более сильное и двойственное. Сано должен внимательно следить за каждым их движением, за каждой интонацией. Вдруг придется иметь дело сразу с двумя начальниками? Необходимо разобраться в их отношениях. Например, зачем Янагисава поощряет в сёгуне тягу к сладострастным излишествам?

– Ваше присутствие для меня большая честь, канцлер Янагисава, – сказал Сано.

Янагисава вежливо кивнул:

– Тогда расскажите, сёсакан Сано, что вы узнали сегодня. Вы нашли убийцу?

– Нет, пока нет, – заикаясь, ответил Сано. Он не погрешил против правды, но жестко поставленный вопрос не позволил рассказать о достигнутых результатах. Он взглянул на сёгуна. Не ожидает ведь Цунаёси чудес после всего одного дня работы?

Цунаёси раздосадованно нахмурился:

– Ах, какая неудача.

Он, казалось, был доволен тем, что Янагисава взял беседу на себя. Снова устремив взгляд на дверь, он беспокойно заерзал в подушках.

– Но я опросил людей, нашедших останки Каибары, – поспешил Сано пресечь попреки.

И зачем только канцлер привел этого Ситисабуро! Сёгун углубился в свои мысли, восстановить его симпатию вряд ли удастся. – Пожилую пару, которая содержит аптеку, и стражника, который...

– Вы получили описание убийцы? – перебил Янагисава.

– Нет, досточтимый канцлер, не получил. – Вынужденный вновь дать отрицательный ответ, Сано растерялся.

– Гм-м. – В тоне Янагисавы прозвучали одновременно презрение и удовлетворение.

Внезапно Сано вспомнил, каким взглядом наградил его канцлер вчера утром. Похоже, канцлер питает к нему враждебность. Сано и представить не мог, чем заслужил подобное отношение, это ставило его в крайне невыгодное положение. Но если правила приличия не позволяют ему потребовать объяснений от Янагисавы, то как же быть?

– Я выяснил, Каибара часто посещал аптекарскую улицу в районе Нихонбаси, – сказал Сано, стараясь придать голосу уверенность. – Не исключено, убийца враждовал с Каибарой и, зная о его привычках, спокойно поджидал в укромном месте.

– Возможно, – неохотно согласился Янагисава.

Цунаёси вышел из задумчивости и перевел взгляд на Сано. Тот несколько приободрился.

– Полагаю, у вас имеются улики, – сказал канцлер, – подтверждающее ваше... предположение?

«Выдумку», – уточнила интонация.

На сей раз Сано избежал проклятого отрицания:

– Завтра, когда я навещу семью Каибары...

– Вы еще не навестили семью? – Голосом канцлер выразил удивление, ухмылкой – злорадство. – Сёсакан, боюсь, ваше... предположение не подтверждено фактами.

Сано почувствовал прилив ярости. Зачем Янагисава губит его? Ему стало хуже, когда он заметил, как канцлер и сёгун опять переглянулись. «Он глуп», – сказал взгляд Янагисавы. «Думаю, вы правы», – ответил взгляд Цунаёси.

Сообразив, что должен действовать быстро, если желает вернуть расположение сёгуна, Сано выпалил:

– Я съездил в морг и обнаружил...

– В морг! – Ужас, прогремевший в восклицании Янагисавы, заставил его замолчать. – Ездить туда, где обитает смерть, напоминать о ней его превосходительству! – Он повернулся к сёгуну. – Пожалуйста, извините этого человека за невежливость. Без сомнения, не он сам, но рождение и воспитание виноваты в прискорбном отсутствии у него такта.

Искреннюю просьбу сопроводил ледяной взгляд. Яна-гисава дал понять: он не хочет, чтобы Сано простили, он намеренно оскорбляет семью сёсакана. Сано захлестнула бессильная ненависть к канцлеру.

– Прошу прощения, ваше превосходительство, – буквально выдавил он из пересохшего горла.

Цунаёси оживился:

– Прощаю.

Тщательно подбирая слова, Сано сказал:

– Я только хотел сообщить, Каибара является не первой жертвой охотника за бундори. Десять дней назад еще один человек был убит точно таким же образом.

У Сано отлегло от сердца, когда сёгун внимательно посмотрел на него. А у Янагисавы затрепетали ноздри, красиво очерченный рот от досады вытянулся твердой тонкой полоской.

– Ваше превосходительство, мне кажется, это убийство поможет выяснить мотивы и личность преступника, – постарался Сано удержать внимание Цунаёси.

– Далеко идущее, э-э, заключение. – Сёгун задумчиво потер подбородок.

Но триумф Сано оказался недолгим.

– Еще одно убийство. – Темные влажные глаза Янагисавы озорно блеснули. – Как же так, сёсакан Сано, разве оно не разрушает ваше предположение, будто убийца и Каибара были врагами? – Он безошибочно определил слабое звено в логической цепочке, выстроенной Сано. – Поразительно, как вам удалось всего за день запутать такое простое дело. – От презрительного смеха у Сано по спине пробежал холодок. -

Правда?

– Нет! – парировал Сано. – Другое убийство по-новому освещает дело. – Он принялся излагать план действий на следующий день, но замолчал, увидев, что Цунаёси вновь уставился на дверь.

Янагисава засмеялся, чем и подвел итог: сёсакан потерпел поражение.

Сано растерялся. У аудиенции оказался странный подтекст. Совершенно ясно, канцлер не желает, чтобы он поймал охотника за бундори. Янагисава сознательно выбрал время, когда вмешаться в беседу, и привел молодого актера нарочно, с целью отвлечь внимание Цунаёси. Но почему? Сердце Сано сжалось от страха.

– Ваше превосходительство, что касается полиции...

– Вот именно. – Янагисава пожал плечами. – Странно, что, располагая такой поддержкой, вы не сумели ничего добиться. – Злобный огонек в глазах выдал, что озабоченность является наигранной. – Однако, думается, нет смысла обсуждать полицию. Я лично распорядился, чтобы ее помощь вам была и впредь эффективной.

Даже находясь в полном смятении чувств, Сано оценил хватку Янагисавы. Канцлер не дал рассказать ему о том, что полиция не получила приказ оказывать содействие расследованию и потому ничего не делает. Тем самым подтвердилось подозрение: канцлер, и никто другой, постарался нейтрализовать полицию. Ощущение безвыходности усилилось, канцлер загнал его в тупик. Нужно добиться содействия полиции, иначе преступление не раскроешь. Для этого следует вывести Янагисаву на чистую воду и попросить Цунаёси о помощи. Но кодекс бусидо запрещал и то и другое. Сано услышал голос отца: «Любая критика старшего чиновника повелителя означает критику самого повелителя – это недопустимо! И еще. Самурай не имеет права чего-либо просить у своего господина». Сано попал в тиски обещаний, данных отцу: соблюдать правила бусидо и прославиться. Он не мог выполнить второе обещание, не нарушив первого. Что делать? Как страстно Сано желал получить отеческий совет!

Победоносная улыбка на лице Янагисавы показала: канцлер прекрасно понимает, в какое затруднение поставил Сано.

– Так как у вас есть план действий, лучше не тратить больше времени на разговоры, – спокойно сказал он и повернулся к сёгуну. – Ваше превосходительство?

– Что? Ах да. – Цунаёси перевел взгляд с двери на Сано. – У меня послезавтра намечена встреча с Советом старейшин. Тогда вы и доложите нам последние результаты вашего, э-э, расследования. – Он махнул рукой. – Вы свободны.

Чувствуя себя незаслуженно обиженным, Сано отвесил прощальные поклоны. Путь к дверям показался ему началом дороги к краху. Тем не менее он выполнит оба обещания, данные отцу, даже если придется погибнуть, преодолевая препятствия, в число которых теперь входит новый и могущественный противник.

На пороге комнаты Сано услышал, как сёгун сказал Янагисаве:

– Остаток ночи я пробуду, э-э... в покоях. Проследите, чтобы меня не беспокоили до утра.

Глава 8

Храм Момидзияма составлял самую священную часть замка, его сердцевину. На вершине холма в тени сосен и кипарисов за высокими каменными стенами хранились останки правителей: Иэясу, Хидзёси, Иэмицу, Иэцуна. Их духи защищали замок, чтобы линия рода Токугава продолжалась до бесконечности.

Слева и справа от высоких ворот, ведущих в святыню, в огромных каменных светильниках метался огонь и храбро подмигивал темной звездной ночи. Сразу за воротами по краям дорожки, выложенной плитами, грозно рычали две корейские храмовые собаки, отпугивая злых духов и нежеланных гостей из плоти и крови. Дорожка вела между рядами сосен к крутой лестнице.

Первобытная тревога охватила Сано. Здесь, на безлюдном холме, холодный, никогда не стихающий ветер доносил едва уловимый запах благовоний. Казалось, будто страна духов совсем близко. Духи прячутся в соснах, населяют скалы, живут в строениях и земле. Только решимость не пропустить встречу с Аои подтолкнула Сано вверх по ступеням.

Ветер усилился, темноте противостоял лишь свет звезд, просачивающийся сквозь ветви деревьев. Сано помедлил подле ритуального бассейна, каменного резервуара с водой. Он приподнял соломенную крышку и помыл руки. Ледяная вода застудила кожу.

– Аои? – позвал Сано.

Ветер подхватил имя и унес вдаль. Сано пошел по тропке мимо деревьев и каких-то сооружений. Барабанная башня? Колокольня? Хранилище священных книг? Миновав пагоду, причудливая крыша которой, казалось, пронзала небо, он вышел на широкий двор. В дальнем конце перед главным молельным павильоном стояла Аои, держа в руке мерцающий бумажный фонарик.

Сано поднял в знак приветствия руку, не желая нарушать тишину. Все – позднее время, безлюдное место, неясные тени храмовых строений: хранилища реликвий, алтарей, ступ – предполагало таинственность. Сано направился к Аои. Шаги робко стучали по каменным плитам, ветер подталкивал вперед.

Аои величественно спустилась по лестнице навстречу Сано, поклонилась и застыла, ожидая, когда гость заговорит.

Молельня за ней представляла роскошную фантазию из позолоченных колонн и причудливых деревянных оконных решеток, резного дерева и камня, загнутых остроконечных крыш и великолепно подобранных по цвету орнаментов. Узоры из цветов и геометрических фигур украшали стены. По колоннам взбирались злые демоны, над дверями извивались драконы, со скатов крыш невидяще смотрели китайские львы, а на шпилях башенок раскинули крылья готовые взлететь фениксы. Род Токугава бесконечно почитал своих предков. На фоне архитектурного великолепия Аои с бледным лицом, с черными волосами и одеждами, раздуваемыми ветром, представлялась ожившей картиной в трагическом, черно-белом исполнении.

– Я принес вещи, которые вы просили, – сказал Сано. – Кошелек, принадлежащий Каибаре Тодзю. Прядь волос другого убитого человека. И ярлык с бундори.

В необычной обстановке его слова прозвучали бесцветно и плоско.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.